

№ 95 (104) октябрь-декабрь 2019

Издаётся с января 2006 года

ВЕСТНИК АНТОНИЕВСКОГО ХРАМА

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ ХРАМА ВО ИМЯ СЯТИТЕЛЯ АНТОНИЯ (СМИРНИЦКОГО)

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ВЫСОКОПРЕОСЯЩЕННОГО СЕРГИЯ МИТРОПОЛИТА ВОРОНЕЖСКОГО И ЛИСКИНСКОГО
ВЫХОДИТ ДЕВЯТЬ РАЗ В ГОД. ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ ИЗДАНИЯ ДОСТУПНА ПО АДРЕСУ: www.snt-antoniush.ru

ДАБЫ НИКТО НЕ ПОГИБ

В давние времена Господь обещал явиться во Славе великой. Люди услышали – и забыли. Но Господь не забыл Слова Своего. Ибо Слова Господни подобны твердыням каменным, нерушимым.

Господь обещал прийти; однако пришёл не тогда, когда Он нам менее всего нужен, а тогда, когда Он нам нужен более всего. Доколе Господа мог заменить пророк или ангел, дотоле Господь посылал их вместо Себя. Но когда зло в мире возросло настолько, что ни ангел не мог поглотить его своим светом, ни пророк – умалить своим глаголом, тогда Господь исполнил Своё древнее обетование и явился на земле.

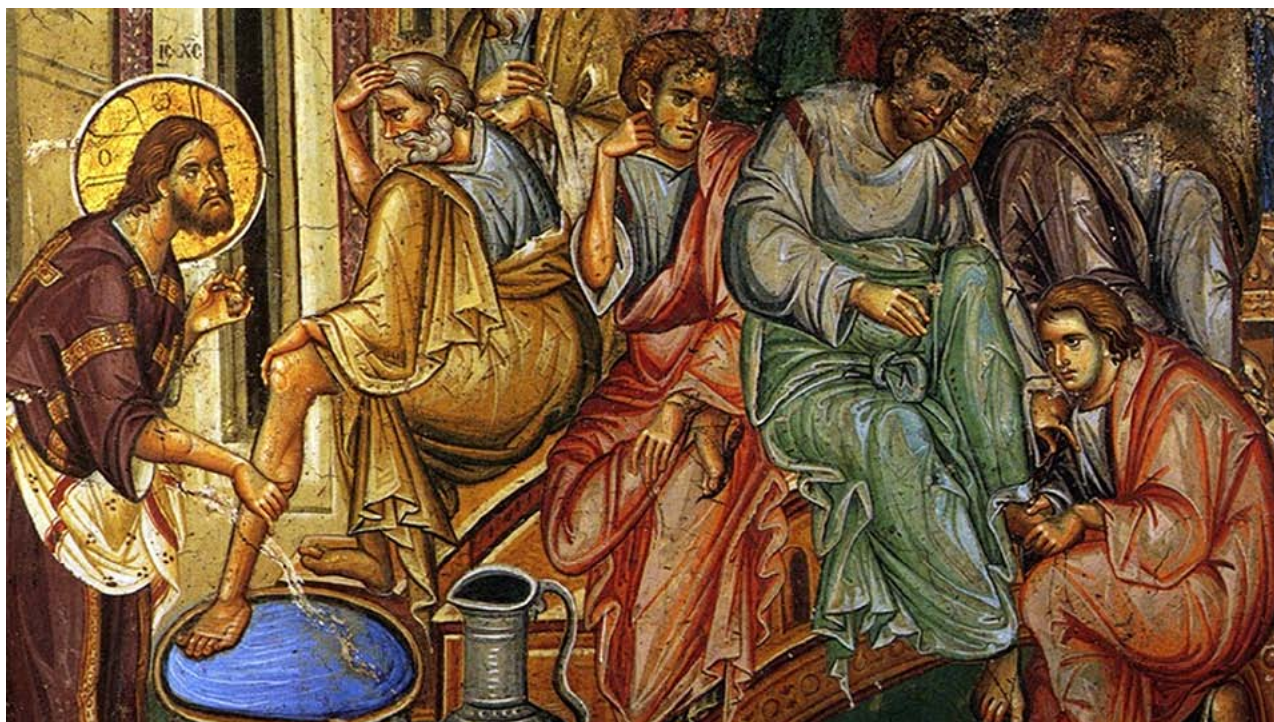
Но как явился Господь во Славе? В неизреченной смирении и послушании. Так, что ангелы Его казались светлее Него, а пророки Его – более Него. Когда на Иордане стояли рядом пророк и Владыка мира, пророк был заметнее, нежели Владыка. Иоанн Предтеча виделся более дивным и великим, чем Господь наш Иисус Христос.

За двумя тяжёлыми завесами скрыл Христос Свою Славу и Величие: за телом человеческим и за смирением. Люди не заметили и не узнали Его, когда Господь пришёл из Галилеи на Иордан к Иоанну Предтече креститься, в то время как очи всех Небесных Сил были устремлены на Него больше, нежели на весь сотворённый мир.

Дивен Бог в делах Своих! Он учит нас смирению и послушанию, скрываясь за делами Своими, как солнце ночью – за сиянием звёзд... Даёт красу и благоухание цветам полевым, и цветы благоухают – как будто своим собственным ароматом, а благоухание Божие остаётся незаметным. Он даёт силу всякому творению, и все творения гордятся друг перед другом силою – как своею, а безмерная Сила Божия не кричит и не гордится. Он даёт человеку от ума Своего, и человек рассуждает и мыслит – как своим умом, а Ум Божий пребывает в тиши, вдали от молвы, укрытый от похвалы мира...

Так Господь учит нас смирению. Ибо всё, что делает, Он совершает сколько по природе Своей, столько же – и ради человека. Да устыдится человек и да отвергнет безумную гордыню!.. Да не хвалится человек самим собою, не имея никаких добрых дел.

Окончание на стр. 2

Но да пускает он вперёд дела свои, а сам да идёт позади них, как Бог позади дел Своих, едва слышимый и едва видимый, словно пастырь за многочисленным стадом.

Дивен Бог, когда учит нас смирению. Но дивен и когда учит нас послушанию. Человек не так послушлив, как Бог. Человек за один день засекает ниву – и оставляет её Богу, и Бог стоит над семенем сотню дней: хранит его, и согревает, и животворит, и постепенно извлекает из земли в виде травы, и наполняет траву зерном, и доводит его до зрелости, пока человек опять не придёт на ниву, дабы за день-два собрать зерно и убрать в житницы...

Бог слушает прошения и молитвы людей – и исполняет их послушливо всегда, когда эти молитвы не связаны с грехом. Молитвы же, коими Бога хотят сделать соучастником человеческого греха, Бог отвергает и не слушает. С наибольшим благоволением Бог слушает сокрушённые молитвы кающихся, просящих оставления грехов. Ибо нет ничего полезнее для человека, чем освобождение от греха.

ВЕЛИКАЯ ЗАСТУПА

Один из героев произведения Ивана Шмелёва «Лето Господне», рассуждая о значении православного праздника Покрова Пресвятой Богородицы для русского народа, сказал: «Не страшно нам ничего под таким-то Покровом... Заступа у нас великая».

Об этой «Заступе» на Святой Руси испокон веков молились все православные – от последнего смерда до родовитого боярина. А ещё – воины, когда отправлялись в дальние походы или выходили защищать свою землю от врага. В нашей стране многие Покровские храмы возводились именно в память о боевых походах.

Чрез то человек становится новою тварью, начинает новую жизнь, жизнь сына вместо жизни раба.

Потому все пророки испокон веков требовали от людей покаяния. Потому и святой Иоанн Предтеча не только проповедовал покаяние, но и совершал крещение покаяния, дабы люди запечатлели своё покаяние видимым образом. Чем больше люди каются, тем больше отлепляются от мира и прилепляются к Богу; и – тем скоропослушнее делается Бог к молитвам людей.

Чрез все Свои творения на Небе и на земле Бог учит людей смирению и послушанию. Уроки смирения и послушания Он преподавал людям косвенно: или чрез сотворённую природу, или чрез пророков, избранников и ангелов. Лишь в лице Господа Иисуса Христа Бог научает сему людей непосредственно – чрез Самого Себя, облечённого в тело. Каждое мгновение Своей земной жизни, от Рождества в вертепе до Распятия на кресте, Христос является для людей живым уроком смирения и послушания. И никогда человек не может быть ни столь же смирен, как Бог, ни столь же послушлив, как Бог. Бог даёт людям наставление сие из Своей величайшей любви к человеку и из Своего пламенного желания, дабы все люди спаслись и никто не погиб.

Святитель Николай Сербский

По велению царя Ивана Васильевича IV, прозванного Грозным, в 1552 году в честь взятия Казани в Москве воздвигли храм Пресвятой Богородицы «Покрова на рву», сейчас более известный как Собор Василия Блаженного. В 1618 году наши предки успешно отбили от столицы польских наводников. Знаменуя победу над войсками польского королевича Владислава, в Московских Филях в 1619 году заложили деревянную Покровскую церковь. Позже филёвский Покровский храм «одели» в белоснежный камень.

Однако Покровские храмы у нас возводили не только после победоносных походов. К примеру, первая Покровская церковь на Руси была построена в XII веке, и повод оказался отнюдь не связан с одержанной победой. Вернувшись из похода на волжских болгар, умер от великих ран сын великого князя Владимирского Андрея Изяслав, и в память о погибшем Андрей Боголюбский повелел возвести храм Покрова на реке Нерль. Мы все прекрасно знаем этот архитектурный шедевр мирового значения.

Церковь Покрова на Нерли – начало храмового зодчества в православной Руси. Само же изначальное такого явления и понятия, как «Покров», «Покрова Пречистой Девы», нашей Небесной Заступницы Матушки Богородицы тоже связано с военным походом, и оно совсем не победное...

Середина десятого века. Мощная Византийская империя сотрясается от внутренних нестроений и внешней агрессии. Византийский император Лев VI, оставшийся в памяти под прозвищем Философ, не являлся выдающимся военачальником, поэтому богатая православная столица, Константинополь – казалась довольно лёгкой добычей для тех, кто бы вознамерился его завоевать. Желавших нашлось немало, и среди них наши предки-славяне, тогда ещё язычники. Вёл в поход объединённые славянские дружины и отряды знаменитый киевский князь Олег, которого народ почитал за Вещего.

Поход, затеянный князем Олегом, оказался грандиозным. Многочисленные лоды разных славянских племён успешно преодолели Чёрное море (которое, впрочем, в те времена называли Русским) и неожиданно «в силе великой» явились у стен Византийской столицы. На Руси Константинополь

называли Царьград, тем самым подчёркивая его первенство в известном для того времени мире. Поход на Царь-город, завоевание его – красная нить внешней политики России со времён Вещего и, пожалуй, до событий Первой Мировой войны...

Но вернёмся в десятое столетие. Приход по воде и посуху неисчислимых славянских воинов, на взгляд византийцев «страховидных» и свирепых, посеял в городе панику и ужас. Люди бросали свои дома, имущество и бежали кто куда: те, что позажиточнее, уходили за город, надеясь отсидеться в собственных виллах, остальные, уповая на Господа, стеклись в Божьи храмы и усердно молились об отводе внезапной напасти.

С незапамятных времён на окраине Константинополя, во Влахернах, стоял храм. Согласно церковному преданию, в день, когда тревога жителей Царьграда достигла предела,

*На озёрах ноябрь вяжет цепкие белые сети
на пугливых подранков и поздно окрепших птенцов.
Донага раздевает ольху разгулявшийся ветер,
а она лишь дрожит, закрывая рукам лицо.*

*Надеваю пальто, не надеясь нисколько согреться,
– тёмно-синяя грусть затопила с утра целый свет –
перелётные птицы смогли на неё опереться...
Я за ними хотел... Оглянулся, а крыльев-то – нет.*

*Эко я воспарил, что совсем не заметил пропажи,
возомнил о себе, а цена-то гордыне – пятак,
навязал узелков, да таких, что никто не развяжет.
А ведь мне говорили... Но я не поверил, дурак!*

Владимир Шемшученко

христиане собрались во Влахернском храме помолиться Богородице перед Её платом, мафорием. Среди прочих в храме оказался и раб одного византийского вельможи Андрей, Христа ради юродивый. Кстати, тоже славянин. Именно Андрей и увидел во время моления Богородицу, озарённую Небесным светом и окружённую сонмом ангелов и святых. Преклонив колена, Пречистая со слезами молилась за христиан, а затем, сняв со Своей головы плат, распростёрла его над стоящими в храме, защищая от врагов зримых и незримых. Как сообщает то же предание, Андрей, трепеща, спросил стоявшего рядом с ним товарища Епифания, видит ли он «Царицу и Госпожу, молящуюся о всём мире». «Вижу, святой отче, и ужасаюсь» – ответил Епифаний.

Если рассуждать материалистически и судить по летописным данным, то разумного объяснения тому, что произошло дальше, нет. По неведомым причинам лоды с дружинами славян развернулись назад, Константинополь был спасён. Да, Олег Вещий прибил свой щит на вратах Царь-города, но столица Византии всё-таки ему не покорилась.

Это Влахернское явление Пресвятой Богородицы, которая Своим Покровом защищает всех, ищущих Её заступничества, и вспоминают во время праздника.

Вот что интересно. Византийский Константинополь спасся от наших же предков, но отмечают этот день в России, причём только в России. И хотя само явление Божией Матери произошло, как говорили на Руси, «в земле Греческой», в православном греческом календаре этот праздник отсутствует. Казалось бы, налицо парадокс: событие, которое можно считать военным поражением наших предков, Русская Православная Церковь отмечает как праздник. На самом деле никакого парадокса нет: то, что произошло во Влахернском храме, ознаменовало заступничество Богородицы за всех православных христиан, а русские стали подлинными преемниками христианства как раз от увядающей Византии. И свет христианской, православной Веры с новой силой воссиял именно в нашей стране, впоследствии распространив его благодать на другие народы. Военное поражение обернулось более весомой победой: Света – над мраком. Подлинной Верой и самоотречением, порой жертвенностью, личной земной смертью во имя общей победы. Ведь и земная смерть Богородицы стала в тот же миг и Её вечной жизнью.

Действительно, великая Заступа на все времена. По мнению епископа Василия Родзянко, такое «самоотречение – историческое, народное – не случайно». Оно свидетельствует о том, что народ несёт в себе «мощь правды», глубинное понимание того, что истинно, а что нет. Поэтому любовь к празднику Покрова Пресвятой Богородицы – свидетельство нравственной силы и чистоты нации, говорящее о сохранении в русских людях чувства правды.

Игорь Маркин

СУД БЕЗ МИЛОСТИ НЕ ОКАЗАВШЕМУ МИЛОСТИ

Воздушное мытарство двадцатое: немилосердия и жестокосердия

Немилосердие и жестокосердие происходят от грехов гордыни. Немилосердный человек настолько поглощён собственным достоинством, что в душе его нет места для внимания к нуждам ближнего. Ведь к этим нуждам надо сердечно склониться, чтобы помочь, а гордыня склониться не даёт. Жестокосердному нет дела до других, он эгоцентричен и целиком погружен в себя. «Это твои проблемы», – говорит он просящему помощи. И Господь, видя немилосердие, попустит такому человеку искушение: когда самому немилосердному понадобится помощь, то ему надо будет вдвойне смиряться – чтобы просить о помощи и ещё раз смиряться, чтобы помощь эту принять, какой бы она ни была. Каждому надо постоянно трудиться над своей душой, умягчая и смиряя её, чтобы вовремя увидеть нужду ближнего и оказать ему помощь. Так праведные ветхозаветные Авраам и Сарра оказали гостеприимство обычным странникам, а приняли у себя дома посланников Божиих – Ангелов.

Мытарство души за немилосердие и жестокосердие может оказаться непроходимым. Список страстей, за которые истязают здесь усопшего, включает грех бездушия и равнодушия, отказ в помощи, холодность душевную, безразличие к страданиям и скорбям ближнего и ожесточённость на ближнего или Бога. Такое духовное состояние является крайне порочным. Господь заповедовал сострадание и любовь к ближнему: «Нет больше той любви, если кто положит душу свою за друзей своих» [Ин. 15, 13]. И, показывая нам пример сострадательной любви к людям, Спаситель молится Богу-Отцу: «И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною» [Ин. 17, 19].

Вот как повествуется о двадцатом испытании души в «Мытарствах блаженной Феодоры»: «Но прежде, чем мы достигли входа в Царствие Небесное, – рассказывает она, – нас встретили злые духи последнего мытарства, немилосердия и жестокосердия. Истязатели здесь особенно жестоки, тем более их князь. По виду своему он сух, уныл и в ярости душит немилосердным огнём. В этом мытарстве без всякой пощады испытываются души немилосердные. Даже если кто совершил

Мытарство двадцатое: немилосердия и жестокосердия. Фрески Рильского монастыря, Болгария.

многие подвиги, строго соблюдал посты, был неусыпным в молитвах, сохранил чистоту сердца и умертвил плоть воздержанием, но оказался немилосерден, немилостив, глух к мольбам ближнего своего – тот из этого мытарства низводится долу, заключается в адской бездне и не получает прощенья векови.

Милосердие – одно из свойств Бога, и Милость – одно из имён Его. Сказано: «И прошёл Господь пред лицом его и возгласил: Господь, Господь, Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый, и многомилостивый, и истинный, сохраняющий милость в тысячи родов, прощающий вину, и преступление, и грех, но не оставляющий без наказания, наказывающий вину отцов в детях и в детях детей до третьего и четвёртого рода» [Исх. 34, 6-8]. То, что Господь не оставляет без наказания, наказывает вину отцов в детях и в детях детей до третьего и четвёртого рода, – есть тоже проявление Его милосердия. Грех, не изжитый отцом, может быть изжит его сыном, внуком и даже правнуком. Так как человек будет судим по делам своим, а воспитание детей, внуков и правнуков – его обязанность, то от того, какими они вырастут, зависит и его судьба. То есть Господь Бог всегда – Милостивый и Милосердный: и тогда, когда благословляет нас, и тогда, когда наказывает.

Мы не можем до конца понять меру Божественного милосердия по отношению к нам. Святитель Иоанн Златоуст учит: «Бог больше любит нас, чем могут любить отец, мать, или друг, или кто-либо другой, и даже больше, чем мы сами можем любить себя, потому что Он печётся о нашем спасении больше, чем даже о Своей собственной славе. Свидетельством чего служит то, что Он послал в мир на страдания и смерть (плотью человеческой) Своего Единородного Сына только ради того, чтоб открыть нам путь спасения и вечной жизни».

Но для чего, рассуждая о мытарстве, где истязаются немилосердные, рассуждать о милосердии Божиим? Потому что Православная Вера спасение понимает как восстановление павшего, потерянного в грехопадении Божественного подобия. И спасение человека – это

восстановление человека в том достоинстве, в коем он пребывал до грехопадения, и даже более того. Ведь спасение павшей человеческой природы будет не по образу Адама перстного (сотворённого перстами Бога), но по образу и подобию «Адама Небесного» – Господа нашего Иисуса Христа. Сказано: «Первый человек – из земли, перстный; второй человек – Господь с Неба. Каков перстный, таковы и перстные; и каков Небесный, таковы и небесные. И как мы носили образ перстного, будем носить и образ Небесного» [1Кор. 15, 47-49]; и ещё: «Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» [1Ин. 3, 2].

Не случайно последней ступенью в Небо является испытание нас на причастность милосердию Божию (или на отсутствие таковой). Но часто немилосердные получают наказание за свою жестокость ещё в этой, временной жизни.

«Когда авва Милисий с двумя своими учениками жил в персидских пределах, два царских сына, братья по плоти, выехали однажды на охоту, растянули сети на большое расстояние, и всё, что попадалось в них, ловили и убивали копьями. В сетях нашли также и старца с двумя его учениками. Увидев авву, все в волосах, похожего на дикого зверя, они изумились и спросили: «Скажи нам, человек ты или дух?». Он отвечал им: «Я человек грешный, пришёл сюда оплакивать свои грехи, поклоняюсь Иисусу Христу, Сыну Бога Живого». Дети царские сказали: «Нет других богов, кроме солнца, огня и воды (которым воздавали они божескую честь). Пойди и принеси им жертву». Старец отвечал: «Боги ваши суть твари, вы заблуждаетесь. Прошу вас, обратитесь и познайте Истинного Бога, Творца всяческих». – «Так ты исповедуешь Истинным Богом человека осуждённого и распятого?» – спросили они у старца. И услышали в ответ: «Я исповедую Истинным Богом Того, Который привоздил ко Кресту наши грехи и умертвил смерть».

Охотники начали мучить авву и его учеников, принуждая их принести жертву. После многих мучений двух братьев обезглавили, но страца ещё много дней подвергали мучениям. Наконец, подобно тому, как бывает на охоте, поставив старца впереди себя и пускали в него стрелы: один сзади, другой спереди. Тогда старец сказал им: «Поскольку вы оба решились пролить неповинную кровь, то завтра мгновенно, в этот самый час, мать ваша лишится вас обоих, и отнимется у неё любовь ваша: собственными стрелами вы прольёте кровь друг друга». Они не обратили внимания на слова старца и вышли на другой день на охоту. Во время ловли убежала у них одна лань. Они сели на коней и послакали догонять её. Пустив в неё стрелы, вонзили их друг другу в сердце. Так исполнилось слово старца, в котором он предрёк им наказание. Так они и умерли».

Преподобный Исайя Отшельник учил: «Дерзость, любопрение, самомнение, презрение брата, попрание совести, – все эти признаки обнаруживают жестокосердие. Как и то, если кто, огорчив и смутив брата, говорит: какое мне дело до него?». Признаки жестокосердия различны, но само оно, будучи пренебрежительным отношением к другому человеку в отсутствии любви, не может быть искуплено ни благотворительностью, ни правой верой, ни даже мученичеством за Христа, если мучения не основаны на любви к Христу.

Сказано: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу

и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится» [1Кор. 13, 2-4]. Но сама по себе любовь (как высшая религиозная добродетель) вмещает в себя все добродетели. Сказано: «Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства» [Кол. 3, 14].

Сострадательная любовь является основой христианства, а жестокосердие и холодность – одним из видов гордыни, свойством демонической личности. Как только у большинства людей появляется причина для гордыни: деньги, положение в обществе, высокое звание, власть – его сердце может стать бесчувственным, а действия несправедливыми. Любовь к людям, которые раньше были близки, уходит, и появляется презрение к ним. Православный, заметив в себе подобные порочные качества, должен принести сугубое покаяние на исповеди и начать активную, созидательную работу над своим сердцем. Прежде всего, следует научиться сострадать; для умягчения сердца и воспитания сострадания – походить в больницу и безвозмездно поухаживать там за больными, постараться оказывать по-настоящему милостивно нуждающимся людям. И, конечно, ежедневно читать «Евангелие» и жития святых, на высочайших примерах учась делам милосердия.

Имеющий жестокое сердце может утратить потребность в общении с Богом, потерять невидимую нить, связывающую их с Творцом. Человек во власти этого греха сначала будет просить, затем требовать справедливости и возмездия у Господа, а потом может во всех своих бедах начать винить Бога. И здесь гордыня сыграет свою коварную роль: она будет мешать покаянию, в то время как человек отойдёт от Христа.

Не будем жестокосердны и немилосердны друг к другу. Давайте умягчим свои сердца по отношению к ближним, чтобы между нами была та братская любовь, которой учил Христос Своих учеников. Отсечём от себя искушения бесовские, дабы не впасть в гордыню и не отойти от Бога. И да поможет нам в этом Господь Иисус Христос с Пречистой Своею Матерью и всеми святыми. Аминь!

По тексту протоиерея Олега Стеняева

Мастер Бегинс. Нищие у входа. (1650-1660 гг.)

Всё, что с нами было прежде –
в лоне матери безгрешном,
в страшной схватке черт фамильных,
в тесной мгле –
было предзнаменованием
долгих мук существования,
нашей тягостной дороги по земле.

Жизнь пройдёт, мы у порога...
Но не кончена дорога!
И, навеки покидая этот свет,
задрожим мы, сознавая:
жизнь была – предродовая...
Выйдем мы на свет из мрака, или нет?

Евгений Чеканов

О-ПА! ПОП...

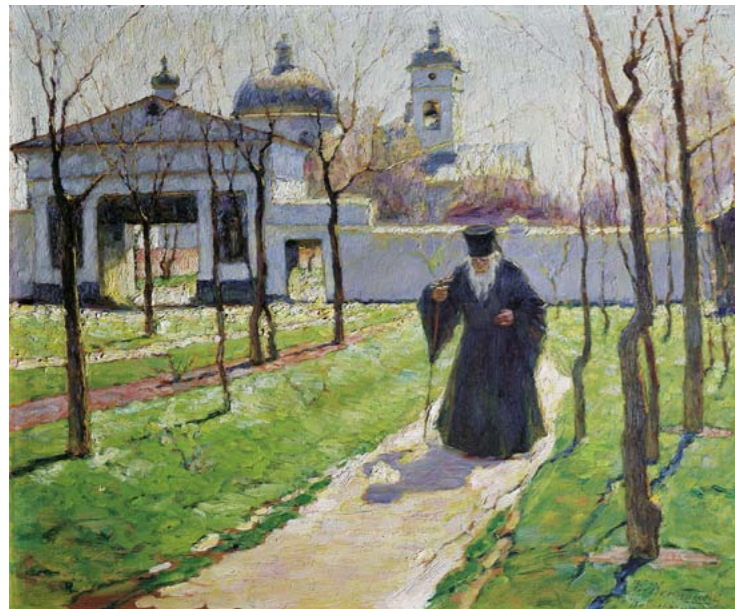
– Мамка! мам!.. – Что, сынок? – Ты помолилась уже? – А что? – Ляг рядом со мной, а то мне грустно. – Павлушка, не хитри, опять трусишь? – Трушу... – Ну, я же рядом. Вот дверь открыта, и ты видишь меня, когда ж перестанешь бояться? Ты же священником, сказал, станешь. Как покойников отпевать будешь? Я, что ль, с тобою буду ездить? – А с батюшкой всегда певчие ездят. – Да я к тому времени помру уже, Пашка. – Мамка, ляг рядышком... – Павлушка, цветочек ты мой нежный. Подвинься, давай, и засыпай скорее, а то мне бельё гладить ещё...

Отец Павел служил штатным священником в старом храме Рождества Богородицы провинциального городка на Волге. Семинарии он не оканчивал, так как в то время, когда он рукополагался, их не было. Жил один в маленьком родительском доме на краю города. После смерти матери прилепился к храму, в который ходили с нею вместе. Поначалу, приходя, молча сидел в церкви на лавочке перед иконами. Через некоторое время его окликнул священник: – Ну, что сидишь без дела каждый Божий день? Возьми, помоги, что ли... – А что надо? – Двор вымети, воды нанеси да на обед в трапезную заходи...

Так Пашка стал работником храма. Сначала по хозяйству. Потом священник взял в алтарь помогать, затем четцом стал. Надумали рукоположить в диаконы, голосок несильный, но ровный, молитвенный и нотки слышит. Только вот незадача: женить до рукоположения нужно парня, а он девчат стесняется, прямо бежит от них, того гляди в обморок рухнет от стеснения. Ничего с этим сделать не смогли, рукоположили celibатом. Не монах, но и не женатый.

Одиночество своё посвятил отец Павел храму. Дома только ночевал, да и то не всегда, часто прямо в пономарке на старом диванчике оставался: лежит в темноте, дверь в алтарь приоткрыта, на горнем месте лампада горит, как одинокая звёздочка. И будто мамка как в детстве стоит, вечерние молитвы шёпотом читает. Свыкся он с одиночеством, перестал бояться, даже полюбил темноту эту и тишину. И покойников не боялся, всё как-то прошло. Застенчивость только осталась и страх перед грубостью людской.

Прихожане любили батюшку за добрый нрав и безотказность. Целый день после службы тянули его по своим требованиям. И как молодой был, и постарше, и пожилым уже бежит к ним

Кириак Костанди. Ранняя Весна. (1915 г.)

отец Павел со своим требным портфельчиком, дыша тяжело. А люди вроде и любят его, да как-то не сочувствуют, всё тянут в разные стороны, и каждому он нужен.

Так и пробежал отец Павел свою жизнь незаметно и для себя, и для начальства церковного. Настоятелем никогда не был, всё вторым, третьим священником. В срок пять лет служения наградили крестом с украшениями, а он чуть не в обморок: «Куда ж я с ним, с таким красивым? Пусть лучше на престоле лежит, а мне со своим старым сподручнее».

Восемь настоятелей пережил отец Павел. Все подшучивали над ним, а ему обидеться и на ум не приходило. Нынешний настоятель отец Александр – образованный, с академией, молодой только. Сначала всё посмеивался над неловкостью старика: и служит не так, и ведёт себя, как крестьянин, а проповеди его это не проповеди – фольклор дремучий какой-то!..

– Отец Павел, Вы хоть слышали о гомилетике, науке о проповеди? Предложения строить нужно правильно, и чтобы мысль проходила через всё содержание. А Вы бахаете отдельными фразами, что на ум придёт. Вы с вечера как-нибудь подготовьтесь...

– Я вечером засыпаю сразу, как до дома доберусь. Я ведь неучёный, отец настоятель, простите меня. Не сердитесь ради Христа. Не посылайте меня на проповедь эту, я лучше в алтаре помогу. – А я думаю: ленитесь Вы, отец Павел, поработать над собой. Тут труд нужен, а в Вас равнодушие какое-то. Столько лет служите, и что это такое: Иван Креститель? Какой такой Иван, он что, крестьянин костромской, что ли? Иоанн нужно говорить. – Простите, отец настоятель, что Вас расстраиваю, не со зла я. А можно мне побегать, там Мария клиросная просила меня мать больную особоровать, и отпевание ещё, и дом посвятить... – Особоровать? Посвятить? Посветить можно свечкой под кроватью! Отец Павел, уйди с глаз моих, искушение ты для меня! Иди, святы бабкам своим, свет в окошке. Они уж по семь раз свои халупы освящали. Соревнование какое-то: кто больше, а Вы им потакает, отказать не можете. Я ж говорил, соборуют один раз от одной болезни, а они соборуются уже чаще, чем причащаются. И Вы вот в этом участвуете. – Отец настоятель, можно я побегу? – Побегу, бегун, побегу! Ноги вот уже не носят, а все «побегу»... беги.

Так они и жили. Молодой настоятель, хоть и сердился на отца Павла, но ссориться по-настоящему не получалось: старик был неконфликтный, до застенчивости мирный.

Весна в этом году задалась дружная, тёплая. Пасха была ранней, но к Страстной снега уже не осталось. И хотя в храмах всё было ещё в чёрном постовом облачении, в свежем, влажном весеннем воздухе витало

что-то неуловимое пасхальное. В Великую пятницу, отслужив с утра Царские часы, отец настоятель озабочился подготовкой храма к выносу Плащаницы. Клиросные проводили спевку, работницы храма скоблили вокруг подсвечников, мыли пол, натирали стекла у икон.

– Цветы, цветы к Плащанице где? Пора уже, в два часа вынос, – отец Александр нервно ходил по храму, разговаривая по телефону.

– Отец настоятель, разрешите обратиться, – отец Павел обнимал свой старый требный портфель без ручки и смотрел в пол.

– Что Вам, батюшка ещё? – Я хотел вот добежать тут недалеко, у Антонины просфорницы кума там, у ейного мужа «рожа» на ноге приключилась под Страстную. Я хотел добежать, просили они. Он не церковный, но человек хороший, слесарил всю жизнь в депо в нашем, Пётр. Страдает человек, но в церковь не ходит, а тут согласился. Я хотел добежать. До выноса Плащаницы обернулся, позвольте, отец настоятель.

– Тра-та-та! Вы что тарактите? Я с ума с Вами сойду! Антонины просфорницы кумы муж какой-то... Вы родословную мне рассказываете? Ещё детей и внуков прилепите. Я понял, опять куда-то несёт Вас. А сегодня Пятница Страстная, помните, отец Павел? Вынос Плащаницы Господа нашего Иисуса Христа. Для Вас это не событие?

– Так я ж обернусь, туда и обратно. Разрешите добежать до Петра, я скоро... – Добеги, Павел, до Петра, а коли не добежишь обратно к выносу Плащаницы, я на тебя рапорт архиерею напишу, и побежишь ты на покой за штат. А там бегай, куда глаза глядят. Я ж на тебя положиться не могу, ты всё время куда-то бежишь. Беги, бегун, время пошло.

Отец Павел возвращался с приятным чувством выполненного долга. Он всё успел: и облегчить страдания больного человека, и склонить сердце его своей любовью и простотой к размышлению о смысле жизни, о Боге. У него как-то всё это происходило само собой. Вроде бы и скажет всё просто, но так убедительно, будто иначе и нельзя. Согретое сердце податливо, послушно. А согреть отец Павел мог даже без слов. Он любил человека просто, искренне, даже того, кого видел первый раз в жизни. Почему, за что? Он и сам не знал. Просто любил, не задумываясь. Болящий слесарь депо Пётр, муж кумы просфорницы Антонины, пообещал побывать в храме на Пасху, коли его сын доведёт на своей машине.

Отец Павел бежал напрямик задними дворами через поле, чтобы поспеть к выносу Плащаницы в храм. Огибая кладбище, задыхаясь, стал то ли молиться, то ли говорить с покойными, как с живыми:

– Добрый день, покойнички! С весной вас, дорогие мои, со Страстной Седмицей! Жаждали Христа, небось, когда придёт и освободит вас от плена смерти. Уже идёт Он

на заклятие, на поругание, на Крест свой, чтоб умереть так же, как и вы, и пойти за вами в ад. Там обнимет Он вас всех пронзёнными своими руками, прижмёт к груди и скажет диаволу: «Я забираю их всех, не твои они». И заберёт вас всех на Небо, к Себе в Рай. Туда, где неть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь радостная. Светлая там жизнь, дорогие мои. Подождите ещё чуть-чуть, я вот добегу на вынос Плащаницы и расскажу о вас всех Христу Распятому. Бегу я, отец Александр, уже скоро буду, дорогой мой собрат, отец настоятель.

Отец Павел выбежал на полянку у молодого осинника прямо на краю городского кладбища и остановился.

– О-па! Поп, – на него смотрели соловьиные глаза молодых людей, уныло скучающих на пригретой солнцем прошлогодней траве. На целлофановом пакете поломанный хлеб, разовые стаканчики и две пустые бутылки из-под водки. Выпивка закончилась, а веселье не наступало. Полупьяные ребята скучали и злились. – Поп, ты откуда взялся, из могилы, что ли, вылез?

Отец Павел, увидев нетрезвых ребят, попытался уйти. – Ты куда, слуга народа, бежишь от народа? Чё, поп, ты нас не любишь, что ли? А может, нам кагоры принёс для причастия согреть наши души?

У отца Павла действительно в сумке была бутылка кагора. Кума просфорницы передала в храм на Пасху на Литургию и записки о себе и болящем Петре. Смутьившись от неожиданной грубости, он стоял, прижав старый портфель к груди.

– Дай сюда, я посмотрю. Попы ведь всегда при кагоре. – Парень грубо вырвал у священника старый портфель. – Пацаны, да он точно кагоры нам принёс, чудотворец! Ты откуда узнал, что у нас кончилось? Красавец!

– Мальчики, если хотите, заберите вино, портфель только отдайте.

– Это он кому? Нам, что ли, пацаны? «Мальчики, если хотите, заберите», да забрали уже, забудь. На свой портфель и вали отсюда. – Парень грубо сунул открытый портфель отцу Павлу. Батюшка прижал портфель к груди, повернулся уйти, но пошёл не в ту сторону. Остановился, повернулся опять, пошёл в нужном направлении.

– Поп, ты чё закружился, пьяный, что ли? Слушай, давай с нами посидишь, поговорим. Вы же, попы, поговорить специалисты. Садись, сказал сюда!

– Ребята, мне идти нужно. Я должен на вынос Плащаницы успеть. – На какой вынос?

– Сегодня Пятница Страстная. Сегодня Христа распяли, потом с Креста сняли, в плащаницу завернули, хоронили потом. Мне нужно бежать, ребята, а вы отдыхайте тут. – Никуда ты не пойдёшь. Нам уже интересно, чё там было в пятницу?

– Христа первосвященники предали и распяли.

Продолжение на стр. 8-9

— Кто такие первосвященники? — Попы жидовские. — Чё, серьезно? Во, попы! как две тысячи лет назад, так и сейчас уроды, блин. Вы чё Христа предали? Он чё вам сделал? Больных исцелял, нищих кормил, а вы? — Ребята, так это ж иудейские первосвященники, и давно это было. — Ну, а вы теперь не такие, исправились, да? — Глаза парня стали злыми, кулаки стиснулись. — А по мне вы что тогда, что сейчас одно отродье, лицемеры. Поп, в глаза смотри, — парень пьяно тарачился на отца Павла. Батюшка опустил глаза. — В глаза народу смотреть стыдно! А отвечать надо. Иди сюда, поп, судить тебя будем.

— Ребята, отпустите, пожалуйста, мне нужно бежать. — От правосудия не убежишь! Встань здесь, — парень схватил батюшку за шиворот, поволок к осине. — Давай, поп, говори, по сценарию как там было? За что попы еврейские Христа возненавидели?

Отец Павел понял, что не уйти ему. Он как будто смирился со своим положением, перестал вырываться и стал отвечать на вопросы.

— Я думаю, они позавидовали Ему. — И чё вы Ему позавидовали? Что народ не за вами, а за Ним пошёл, что ли? Ну, так вы ведите себя как Он, и за вами пойдут. Правильно я говорю? Вот как Он — бескорыстно, честно и чтобы всех любить, даже разбойников. Ну, чё, поп, любишь ты нас? Говори, давай!

Отец Павел поднял глаза на пьяных ребят:

— Так люблю, вы ж неплохие ребята, выпили просто. — Неплохие? А если б были плохие? — Как это? — А вот тебе щас в рыло дам, так же меня любить будешь? Ну, чё молчишь? Трудно, как Христос, да? Болтать вы мастера, а чё учишь тому, чё сам не умеешь? Бабок дурите, чтоб вам свои пенсии приносили, а вы их в брюхо своё складываете бездонное.

Отец Павел поднял глаза и как-то отстранённо посмотрел по сторонам.

— Чё, смотришь, как сбегать отсюда? Нет, тебе теперь суд. Ты ведь говоришь, что нужно жить, как Христос. Ну, так давай по полной: и суд, и распятие, а ты нас люби. «Господи, прости им, не ведают, что творят», так ведь, поп, а? Тащи его, пацаны, вон к тому кресту.

Посреди кладбища стоял большой дубовый крест. Крики ребят спугнули чёрного грача с перекладины.

— Ребята, нельзя в это играть, это не шутки, — отец Павел смотрел то на одного, то на другого, ища сочувствия.

— Ты чё, поп, кто здесь играет? Играли мы лет десять назад, а щас мы уже водку пьём. Ты не поймёшь никак? Чтоб убедительней было, я вот так сделаю, — парень наотмашь ударил старика в лицо кулаком.

Свет, потом темнота, голоса вдалеке... Отец Павел открыл глаза: маленький рыжий муравей полз по травинке. Пьяные парни открывали кагор, пили из горлышка, смеялись ка-то позвериному жутко. — Ты не помер, Царь Иудейский? Ну, вставай.

Отца Павла подняли. В бороде, омоченной кровью, запуталась сухая трава. Скуфья упала, редкие седые волосы шевелил весенний ветер.

— Ну, чё, поп, кайся. — В чём? — В наркоторговле. Почём опиум для народа? Дурите народ, наживаетесь на чужом горе. Учите, чтоб вам в церковь деньги несли, а потом на эти деньги жируете. На мерседесах ездите, в золоте все, жрёте от пуза. Чё, ещё хочешь, морда наглая? — парень замахнулся, отец Павел закрыл глаза, съёжился.

— Трусишь, поп? — Трушу, сынок, — отец Павел отвечал наивно, по-детски. Вытер рукавом подрясника кровь с бороды, посмотрел с удивлением на красную полосу на ткани.

— И чё ты можешь сказать в своё оправдание? — Ничего сынок. Ничего человек не может сказать в своё оправдание, если Бог его не оправдает через результат жизни его.

— Мы твой результат теперь, понял? Привязывай его, пацаны, к кресту проволокой вон той.

— Ну, чё, сам пойдёшь или за шиворот тащить?

В отце Павле происходила какая-то необъяснимая перемена. Всё тело переполнилось приятной теплотой, страх стал уходить, в сердце наступили мир и тишина. — Я пойду сам.

Он встал к кресту спиной и раскинул руки.

— Ты чё гордый такой стал, как победитель? Крути, пацаны проволоку потуже, чтоб ощутил, как на кресте висят.

Проволока впилась в запястья, кожа надуплась, пальцы посинели. — Вот так, поп, ну скажи: любишь нас теперь?

— *Мамка, а Христу страшно было, когда Его распинали? — Страшно, сынок, очень страшно. — Как же Он терпел, мам? Я б не смог, испугался бы. — Вот так терпел, и страшно, и больно было очень Ему, почти невыносимо. Он даже закричал там: «Боже мой, Боже мой, почему ты меня оставил?» — Жалко Его, мам, до слёз прямо, а я б не смог.*

— А чё ты, поп, вдруг глаза не прячешь? То в землю смотрел, а щас в упор прямо. Страх потерял? Так я тебе сейчас ножом ухо отрежу. Не боишься, нет?

Отец Павел глядел куда-то за горизонт. Его здесь не было. Всё происходило как будто не с ним, как в кино. Он смотрел не мигая, сосредоточенно. Потом как бы вернулся умом на землю, глянул отрешённо на руки, привязанные ко кресту, на ребят на поляне и произнёс из груди, надрывно: «Господи, Господи мой! — глаза его наполнились влагой, и слёзы потекли по старческому щекам. — Господи Иисусе Сладчайший... — Чё, поп, зарыдал, страшно тебе, больно? — ...не ведают, что творят. Что ты, сынок, я плачу от умиления. Ведь умираю, как мой Христос. Честь ведь какая! Господи, недостойн ведь я, грешен. Господи!

Парня перекосило от злобы: — Как Христос, говоришь? Честь тебе? Не дождёшься! Умри по-другому, — он размахнулся и со злостью ударил старика ножом в правый бок под ребро. «Един от воин копием ребро Его прободет, и абие изыде кровь и вода...» Отец Павел вскрикнул, голова его упала на грудь, тело обвисло на привязанных проволокой руках.

Где-то далеко громыхнул первый весенний гром. Редкий крупный дождь, приглаживая седые волосы, стекал по бороде на грудь, потом на землю яркими рубиновыми каплями. Справа у креста стояла покойная мать отца Павла в белом платке и что-то говорила сыну. Говорила и улыбалась ему, как в детстве.

В храме отошла служба Великой Пятницы. Плащаница, украшенная цветами, лежала в центре храма. Народ ещё шёл к ней на поклонение.

— Отец Александр, не расстраивайтесь Вы так. Обернётся он, куда денется, — утешала пожилая регентша настоятеля. — Поберегите себя, на Вас лица нет. — Маргарита Петровна, сегодня Пятница Великая, вынос Плащаницы, а ему дела нет до наших общецерковных дел. У него только своё. Эгоизм это, понимаете...

С шумом распахнулась дверь, в храм влетел незнакомый мальчишка, весь взъерошенный. Задышавшись, с порога стал кричать: — Там, на кладбище... я гулял с собакой... мы вдвоём были на кладбище... крест там, и он на кресте один висит... мы гуляли, а он висит там один.

— Тра-та-та! Ты чего тарахтишь? Кто там висит? Сил моих нет. Что кричишь? — Отец Александр схватил пацана за плечи: — Кто там висит? Час от часу не легче.

— Да поп ваш старый висит убитый на кресте, я ж говорю вам... мы гуляли там, а он висит, один, и никого нет. А я сразу сюда побежал...

Отец Александр замер, как парализованный, на несколько секунд. Потом рванулся к алтарю, остановился, повернул ко входу и выбежал из храма. Дверь хлопнула и как будто разбудила остальных людей в храме.

Народ бежал на кладбище. Там у большого креста стоял настоятель отец Александр и смотрел на отца Павла, своего дорогого собрата, которого ещё пятнадцать минут назад готов был разорвать от злости и которого сейчас так сильно любил. Он опустился на колени, прошептал: «Свершилось», обхватил голову руками и заплакал. Холодный весенний дождь хлестал его по спине. Отец Александр стоял на коленях в луже, ничего не ощущая. Люди сняли отца Павла с креста, положили его на палыто. Кто-то сказал, что нужно дожидаться милицию, оставив всё как есть. Регентша Маргарита Петровна ходила, как полоумная, от одного человека к другому, повторяя: — Нужно спешить, на Пасху хоронить нельзя: праздник большой, завтра бы успеть с похоронами...

Эти слова вывели из оцепенения отца Александра: — Нельзя на Пасху, говорите, праздник, надо поторопиться?! Это иудеям нельзя, а у нас всё по-другому. На Пасху будем хоронить. Вот так я вам скажу, дорогие братья и сестры. На Пасху!

В сумеречном храме горели лампы. Народу не протолкнуться, но тишина была гробовая. Колокол ударил двенадцать раз, из алтаря послышалось одинокое тихое пение отца Александра: «Воскресение Твое, Христе Спасе...», потом в алтаре зажгся свет и открылась завеса, отец настоятель запел громче и торжественней. При третьем пении вспыхнуло всё освещение, открылись царские врата, священник шагнул в пространство храма и в полную мощь запел: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесах...». В центре храма народ поднял красный бархатный гроб с телом

отца Павла. Мужчины на вытянутых руках стали передавать его к выходу, каждому хотелось понести гроб. Сверху, с клироса, казалось, что отец Павел плыл над людской массой. «Воскресение Твое, Христе Спасе...», — так величаво никогда здесь не звучал этот священный гимн.

Народная река со свечами в руках трижды пронесла гроб с телом усопшего вокруг храма и остановилась у алтарной стены на краю свежей могилы. Как всё было дальше, отец Александр помнит плохо. Помнит, что кричал: «Христос Воскресе!» — и сам себе отвечал: «Воистину». Потом горько плакал, но не по отцу Павлу — он плакал о себе, вспоминая, как бывал груб со стариком. И, наконец, понемногу затих, повторяя: — Как хорошо, Господи, как торжественно, правильно всё, ведь это ж честь какая. Христос Воскресе, батюшка, отец Павел, Христос Воскресе!

Рано утром солнышко осветило свежую могилу у алтаря храма, на которой весёлые воробьи клевали пасхальный кулич. Ощущения смерти не было, была тихая радость: Христос воскрес!

Протоиерей Сергей Богданов

ЕСЛИ НЕ БУДЕТ ЛЮБВИ

Трудно, очень трудно любить людей, ибо у людей много злобы, много отталкивающего, много неправды. А вы заставляйте себя любить их, понуждайте себя; помните, что Бог есть любовь, помните, что без любви закрыт вам вход в Царство Божие.

Будь добрее, чем принято, ибо у каждого своя война, бои и потери. Живи просто, люби щедро, вникай в нужды другого пристально, говори мягко... А остальное предоставь Господу. Именно любовь — ни вера, ни догматика, ни мистика, ни аскетизм, ни пост, ни длинные моления не составляют истинного облика христианина. Всё теряет силу, если не будет основного: любви к человеку.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ – СВЕТ И РАДОСТЬ

* * *

*Старушка грядки прибирает
и в церковь носит все грехи.
Как хорошо: она не знает
и том, что я пишу стихи.*

*Что страшно мне одной в квартире,
что, света лунного боясь,
порой не сплю и в этом мире
не очень как-то прижилась.*

*Я для бабушки лишь соседка,
идёт она, душой светла,
бывало, скажет: «Тётка Светка,
тебе гостинцев принесла».*

*Придёт ко мне пустая редко,
то яблок даст, то огурцов.
Её простое «тётка Светка»
дороже мне моих стихов.*

*Ей не до злых, не до богатых,
чего за них переживать?
Без этих пальцев узловатых
и строчки мне не написать.*

Светлана Супрунова

Чтобы оценить доброту и постигнуть её культурное значение, надо непременно самому испытать её: надо воспринять луч чужой доброты и пожить в нём, и надо почувствовать, как луч моей доброты овладевает сердцем, словом и делами моей жизни и обновляет её.

Но, может быть, ещё поучительнее испытать чужую доброту в её предельном выражении – вражды, злобы, ненависти и презрения, испытать её длительно, всесторонне, как систему жизни, как безнадежную пожизненную атмосферу бытия. Это-то, по-видимому, и дано современному человечеству в отрешение, мудренье и обновление...

Великое счастье – испытать чужую подлинную доброту, поверить ей, довериться ей – и не обмануться... Она всегда приходит «незаслуженно», «сверхсметно»: иногда на зов, иногда без зова; не по обязанности, не в силу долга, но как дар, дающийся по собственному почину, без возврата, без ответного дара и возмещения: «ни за что ни про что»... И тогда она невольно вызывает в душе вопрос: «неужели вправду? неужели это возможно? неужели есть в мире и такая стихия? и если есть, то почему же мы все не участвуем в ней и не наслаждаемся ею?» Ведь это совсем иная, совсем новая жизнь – настоящая, радостная, светлая; и после неё, без неё всё кажется сумеречным, печальным, ошибочным, жёстким и едва выносимым... Чужая доброта – это сразу и зов, и обещание, и исполнение обещанного: предчувствие чего-то большого, чему даже не сразу верится; теплота, от которой сердце согревается и приходит в ответное движение: ибо в нём сразу просыпаются смущение, и благодарность, и любовь, и новая очевидность, удостоверяющая нас в объемлющей мир стихии Евангельского обетования...

Человек, раз испытавший это, не может не ответить (рано или поздно, уверенно или неуверенно) своею доброю, своим лучом, как бы «посылаемым» в мир, «участвующим» и «связующим». И ответ этот взойдёт из него тем раньше, тем увереннее и плодотворнее, чем меньше он будет в плену у каменючего жесточения.

Великое счастье – почувствовать в своём сердце огонь доброты и дать ему волю в жизни. В этот миг, в эти часы человек находит в себе своё «лучшее» – пение своего сердца, преобразование своего инстинкта: раскрывается его глубина, преодолевается его одиночество, расширяется объём его самочувствия до пределов живущего и страдающего мира. Забывается «я» и «своё»; исчезает «чужое», становясь «моим» и «мною». И для вражды и ненависти не остаётся места в душе...

Когда мы смотрим в глаза истинно доброму человеку, то видим струящийся из них благостный свет – приемлющий, сочувствующий, согревающий. В них нет подозрительности и суда, нет жесткости и отталкивания. В них – участливый вопрос о нашем жизненном бремени и о страдании. Мы видим не острый, пронзительный луч допрашивающей и требовательной души – но ласковое сияние, льющееся как бы из окна родного дома. Это трогает и утешает, примиряет, успокаивает и облегчает. И мы с изумлением спрашиваем себя, как это возможно, что далёкое сразу кажется близким, а чужое – родным?

Сердце, живущее доброю, излучает в мир через свой ласковый взор творческое и неисчерпаемое «да». Ибо доброта – это вечное гостеприимство, братский приём. Чувствительность доброй души открыто миру; оно готово выйти из себя и уйти в другого. Добрый человек – брат всей твари. Он как бы помнит первоначальное всеобщее единство, совместное происхождение из единого Всеблаготворного Источника, от всемогущего Господа; он как бы чувствует в себе жизнь и обращение всеединой крови мира, вопреки тому, что «естество человеческое», по слову Василия Великого, является «расторгнутым и на тысячи

частей рассеченным»... Дверь, ведущая в дом его души, открыта, и она ведёт в тот великий Отчий Дом, где «много обитателей» [Ин. 14, 2]; по-видимому, мы все пребывали в этом Лоне до совершения времён; и по совершении времён это Лono обещает нам избавление, приют и покой. И вот, живая доброта излучает свет этого Всеединого Лона – свет любви, приятия, благожелательства и духовного родства. Она уже осуществляет всеобщее воссоединение. А мы, озарённые и согреты этим светом, изумляемся, за что нам даётся это утешение? Ибо смутно чувствуем, что мы ничем не могли «заслужить» эту доброту и эту любовь...

Такая сердечная доброта человека – это излучающаяся благодать Самого Создателя, верно воспринятая и передаваемая в мир. А Божия Благодать не ищет заслуг, но изливает себя «на праведных и неправедных» [Мф. 5, 45]. И когда Божия Благодать льётся через человеческое сердце, светит и согревает, то невыносимый раздор в человечестве начинает стихать, и ненависть опоминается, и зависть стыдится, и посягание приходит

в смущение. Ибо доброта несёт людям Благою весть о воссоединении. Она есть дыхание утраченного блаженства. Ей дано, как солнцу, растапливать льды и, как огню, плавить камни...

Всё это означает, что истинно доброе сердце живёт в ткани Божьей и чует свою сокровенную связь с остальным человечеством. Оно не отъединяется от этой ткани, не посягает и не враждует. Оно вчувствуется в жизнь другого, в жизнь каждого, отзываясь – и готово помогать. Такой человек смотрит в мир доброжелательно, ласково, сострадательно. И самый взор его есть уже благодеяние для ожесточённых; и слова его звучат, как призыв вернуться на родину. И каждое существо, вступающее в поле его зрения, вызывает в нём луч благоволения, зажигает в нём огонь Божьей доброты и дарит ему радость.

Доброта есть целебный бальзам на раны мира, болеутоляющее лекарство для душевных разрывов и духовных ран. Она живёт мечтою в блаженном первобытии; она пророчествует о грядущем воссоединении в Боге и бережёт в земной жизни священную ткань благоволения, мира и всеединства...

Вот почему преподобный Серафим Саровский говорил каждому человеку: «радость моя!»... И эти простые, но таинственные слова из райских селений были одновременно изливанием личного сердца и евангельским зовом в Лono Отца. Ибо человек человеку во Христе – не волк и не враг, а свет и радость...

Иван Ильин. Из книги «Путь к очевидности»

ПОМИЛОВАН!..

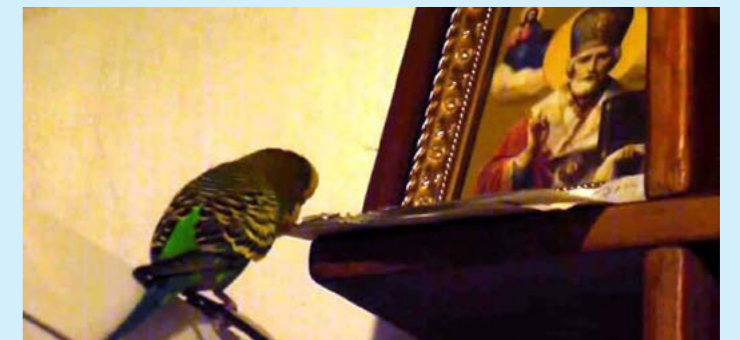

военное пособие зарубежного издания было безжалостно подрано и порвано непутёвым попкой-дураком, каким-то образом выбравшимся из клетки!

Праведному гневу генерала не было предела. Михаил Дмитриевич, схватив мухобойку, стал гоняться за попугаем-шкодником с руганью и угрозами. «Убью негодника!», – наконец крикнул он в гневе. Испуганный виновник раздора мгновенно залетел за шкаф, откуда достать его не представлялось возможным...

Скобелев решил подождать добровольной сдачи попугая с повинной, чтобы затем предать его примерному наказанию. Попугай затаился и на глаза грозному стратегу не показывался. И вот через полчаса из-за шкафа послышалось его просительное-покаянное: «Господи, Иисусе Христе! Помилуй мя грешного!.. Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного!..».

Жалобные просительные возгласы, повторявшие молитвенные интонации самого генерала, продолжались беспрерывно целый час. В конце концов, сердце Скобелева дрогнуло и умилилось, он даже заплакал. Крикнул за шкаф попугаю: «Ладно, грешник, вылетай! Ты помилован!» – и уже через несколько мгновений помилованный разбойник-попугай радостно чирикал у него на руке.

У русского военачальника, генерала от инфантерии Михаила Дмитриевича Скобелева длительное время жил попугай. А надо сказать, что сам знаменитый герой России, по славе и таланту равный Суворову, участник среднеазиатских завоеваний Российской Империи, Русско-турецкой войны 1877-1878 годов и освободитель Болгарии был человеком глубоко верующим и дома часто и подолгу истово молился вслух.

Однажды ему подарили очень дорогую книгу по стратегии ведения военных действий, и как-то раз, достав её из книжного шкафа, после очередного изучения изложенной там интересной и профессионально полезной информации, Скобелев оставил фолиант открытым на письменном столе и удалился на некоторое время из дому по службе. А когда вернулся, то чуть не упал в обморок: драгоценнейшее

ЗА ТО Я ПО ПРАВДЕ СТРАДАЮ

Размышляя о немилосердии и жестокости человеческой и о великом Милосердии Божием, святой праведный Иоанн Кронштадтский в Толковании на «Евангелие от Матфея» пишет: «Например, кто-нибудь просит у известного своею добротою и щедростью человека – помощи себе. Он обещает с удовольствием и говорит: теперь мне не время вам дать или – теперь нет с собою, а приходите ко мне в такое-то время, в такой-то час: я буду в таком-то месте и дам вам. С полною уверенностью, что обещание будет исполнено, я жду назначенного часа или дня и прихожу к этому щедрому человеку – и он, вижу, приготовил уже мне обещанное и с весёлым лицом отдаёт его.

Не подобное ли надо сказать о надежде христианской? Господь Бог есть этот Щедрый Домовладыка, Которого сокровищницы Царствия преисполнены благами духовными, вечными, превышающими всякое описание и меру, по причине их несказанной красоты, живительности и безграничности, и ожидают нас.

Возьми «Евангелие» и читай притчи Христовы о Царствии...

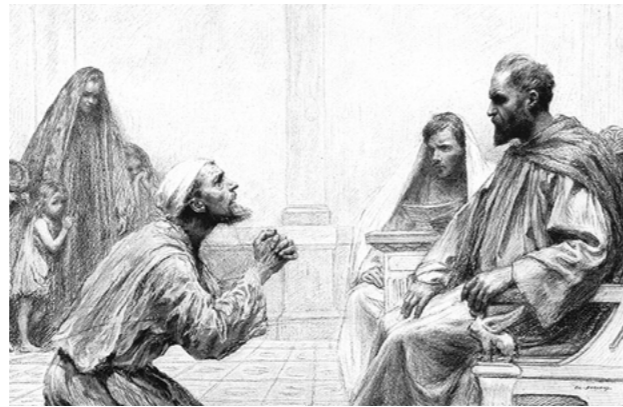
В нынешний день читана была евангельская притча Спасителя о немилосердном должнике, в которой Он, Господь Бог наш, уподобил Царство Небесное или Праведный Суд Свой над людьми «царю, который захотел сосчитать с рабами своими. Когда начал он считаться, приведён был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов», то есть – двадцать миллионов! Или – просто без числа, ибо определённое число здесь поставлено вместо неопределённого.

«А как он /должник/ не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и всё, что он имел, и заплатить. Тогда раб тот пал и, кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и всё тебе заплачу. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. Раб же тот, выйдя, нашёл одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев», на наш счёт – не больше двадцати рублей; «и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен. Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и всё отдам тебе. Но тот не захотел, а пошёл и посадил его в темницу, пока не отдаст долга.

Товарищи его, видев происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю своему всё бывшее. Тогда государь его призывает его и говорит: злой раб! весь долг тот Я простил тебе, потому что ты упротил Меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и Я помиловал тебя? И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, – заключил Господь речь Свою, – если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешения его» [Мф. 18, 23-35].

Не к чести нашей в данном «Евангелии» изображается крайнее жестокосердие и злоба человеческого сердца относительно ближних наших. С того самого времени, как люди чрез грех предались начальнику злобы диаволу, он свил в их сердцах твёрдое себе гнездо, насадив в нём свою адскую злобу, которую и проявляет с тех пор весьма часто в очень грубых, насильственных видах.

История библейская и гражданская, и дневники нашего времени полны примеров этой злобы и жестоко-

сердия людей из-за корысти, из-за желания воспользоваться хищнически именем ближнего. Или – из-за оскорблённого самолюбия, из-за дикого каприза, из-за неудовлетворённой животной любви. Многие и очень нередко не задумываются вонзить нож в сердце или в горло ближнего или иначе как-нибудь лишить его жизни, – не говоря уже о ссорах, спорах, ругательствах, судах и прочих выражениях злобы человеческой. А ведь молитвою мы отмаливаем грехи свои. – «Весь долг он (оний) отпустил тебе, понеже умолил Мя еси» [Мф. 18, 32]. Опыт говорит то же. Молящемуся нужно надеяться умолить Господа о всех грехах, «нестъ бо грех побеждающ человеколюбие Божие» [молитва 4 ко Святому Причащению]. «Кровь Сына Божия очищает нас от всякого греха» [1Ин. 1, 7]; и «аще кто согрешит, ходатая имаю ко Отцу, Иисуса Христа Праведника» [1Ин. 2, 1].

Достойный и высокий пример для подражания: сурово вглядываясь в своё духовное состояние, наш великий праведник восклицает: «О! Как я далёк от Духа Христова, от духа терпения, от Креста Его. Он допустил злодеев поругаться над Его Пречистым Телом, оплевать Лице, сделать ударение по Ланите, пробить Главу тростию, вознести Себя на Крест, пробить ноги и руки гвоздями, пробости бок!..

А я что? Я выхожу из себя, когда другие делают, по моему мнению, некоторую несправедливость в отношении моего вещественного достояния, когда берут мои деньги, даром кушают мой хлеб-соль, чай-сахар. Меня никто не ругает, не плюёт мне в лицо, не ударяет по щекам, никто ещё не пробивал мне главы тростию, никто не прокалывал мне рук и ног – и я объявляю почти войну ближним моим, причиняющим ущерб не телу моему, не жизни моей, а только вещественному достоянию моему, моей щедрости и гостеприимству.

Господи, за то я по правде страдаю – за то, что изъявлял неудовольствие на мнимые обиды братии моей, вкушающей часто от трапезы моей, за то, что был жаден, – вот я страдаю чревом моим: «Имиже бо кто согрешает, сими и мучится» [Прем. 11, 7]. Даруй же мне, Господи, отседе совершенно «вразумиться и любовию терпеть» [1Кор. 13, 4] приходящих ко мне частых гостей.

Господи! Грешен я и многогрешен: помилуй мя! Щедрый! Даруй мне быть щедрым. Заимодавче, Коему я должен тьмою талант, – даруй мне охотно прощать должникам моим, должным только десятью талантами. Аминь».

Трудная задача – научиться быть столь же взыскательным к себе и столь же полным милосердия к ближнему, как святой Иоанн Кронштадтский...

НАУЧИСЬ РАЗГОВАРИВАТЬ СО СВОЕЮ ДУШОЙ

С 28 ноября до 6 января продлится Рождественский (Филиппов) пост.

Мы должны научиться разговаривать со своею душой. И важным инструментом, с помощью которого можно оторвать и очистить от наносного житейского мусора собственную душу, является пост.

Святитель Амвросий Медиоланский писал о важности телесного пищевого воздержания, указывая, что пост имеет не земное происхождение, но Небесное, так как служит содержанием и образом жизни Небесной, жизни ангелов. В силу этого на земле пост – необходимое средство для обретения нравственной чистоты и невинности. Он обновляет душу, уничтожает грехи, является корнем благодати и ступенью к спасению. Добродетель поста настолько велика и сильна, что может поднять людей на Небо.

Человек – существо духовно-телесное. Потому нам важно очищать не только душу, но и тело: ведь через телесное воздержание мы, с Божьей помощью, выходим на высокий духовный уровень. Если орлу привязать к лапам гири, то он не сможет взлететь. Точно такими же «гириями» для души являются объедение, пьянство и всякое телесное невоздержание. Человек, который не постится и не исповедуется, душу свою, образно говоря, забросал всяким житейским мусором – и забыл о ней. Душа его задыхается, агонизирует, кровоточит, изо всех сил пробиваясь к сознанию, но... её не слышно под слежавшимся сорным слоем. У плотского человека эти состояния душевной боли отзываются депрессиями, скверным настроением или плохим самочувствием и никак не осознаются им как боль страдающей души, стремящейся к свету... А мы должны, непременно должны научиться слушать свою душу и разговаривать с нею. Ведь душа – образ и подобие Божье. Потому именно с помощью поста можно оторвать это сокровище, очистить от наносного житейского мусора и обрести собственную душу.

Кроме того, пост – одно из важнейших орудий в борьбе с диаволом и грехом. Господь сказал о бесах: «Сей же род изгоняется только молитвою и постом» [Мф. 17, 21]. Потому, по признанию святых отцов, пост является «весною души».

Телесное воздержание лишает бесов силы, так как во многом они к нам прилагаются именно через

телесное невоздержание. Не будем забывать и о том, что первый грех человечества тоже был «пищевой»: Ева ела плод с запрещённого дерева, и Адам ел... Естественно, что первый и самый простой шаг при попытке восстановления утраченного мира, гармонии и общения человека с Богом – это пост, предполагающий и отказ от искусительных занятий и душевредных пристрастий, и осознанное ограничение себя во вкушении определённой пищи.

Конечно, в силу биологических и некоторых социальных факторов есть категории людей, которые могут не воздерживаться от скоромной пищи в установленные Церковью посты. В первую очередь, это беременные женщины: внутри утробы ребёнку нужны микроэлементы, получаемые с пищей матери. Пост послабляется для людей, которые не могут контролировать своё питание: военнослужащих и лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Разрешается не поститься тяжело болящим людям, для которых воздержание от животной пищи может ухудшить их здоровье. Например, больному язвой нужны молочные продукты; для человека, перенесшего инсульт или инфаркт, необходима рыба, так как она содержит вещества, улучшающие работу сосудов, и так далее. Но даже и в этих исключительных случаях желательнее исповедоваться в нарушении поста.

Так что если у кого-то начался лёгкий кашель, ему не следует оставлять пощения. Дьявол потому и называется лукавым, что может предложить человеческому грешному сердцу множество мыслей-вариантов, как избежать поста, оправдав при этом себя!..

Пост послабляется для детей. Действительно, растущему организму ребёнка нужен «строительный материал». Но с другой стороны, всё равно детей постепенно нужно приучать к посту: ограничивать в это время сладости, компьютерные игры, мультфильмы... Уместно в пост сказать малышу: «Давай ты сегодня покушаешь рыбку вместо мяса». Знаю, что дети некоторых священников с семи лет соблюдают пост наравне с взрослыми – и нормально себя чувствуют.

Будем же усердно трудиться на своём духовно-телесном поле, чтобы увидеть, как прорастёт на нём нежнейший цветок души.

Иерей Андрей Чиженко

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

«Курка, млеко, яйки»... Все помнят эти слова из фильмов про фашистов. А я вспоминаю рассказ бабушки (Царство ей Небесное), как всё это повторилось в конце войны, но – немного по-другому.

Через посёлок, в котором жила семья бабушки, гнали колонну пленных фрицев. И вот эти грязные, часто в лохмотьях, голодные пленники, бывшие враги заглядывали к русским во дворы и пытались поменять самодельные игрушки, глиняные

свистульки и всякую подобную мелочь на что-нибудь съедобное. Зашёл и к бабушке в калитку один такой пленник и со словами: «либе, катоше» (хлеба, картошки) – протянул ей свои самодельки...

И ему дали еды. И многие давали. Ибо не было к этим жалким людям уже какого-то чувства ненависти, а была жалость и Христова любовь. Да, можно было плюнуть такому в лицо, огреть кочергой – и никто бы слова не сказал: поделом. Но – не делали этого.

Когда немец взял у бабушки то, что ему дали, у него задрожали руки, и он беззвучно разрыдался. Слёзы потекли по его впалым небритым щекам, и он лишь кое-как смог тихо выдать из себя: «Данке шён!». Его окрикнул конвойный, и пленный побрёл к своей колонне.

В семье бабушки на тот момент было три похоронки...

Вот такой вот он, русский человек. Победить врага – это по-русски. А вот измываться над уже поверженным врагом – нет.

В. Сибирский

ИКОНА-МУЧЕНИЦА

Первый Воронежский епископ, впоследствии святитель Митрофан, благословляя царя Петра на строительство Санкт-Петербурга иконой Божией Матери «Казанская», произнёс слова, ставшие пророческими: «Возьми икону «Казанской» Божией Матери, и она поможет тебе победить злого врага. Потом перенесёшь эту икону в новую столицу... «Казанская» икона станет покровом города и всего народа твоего».

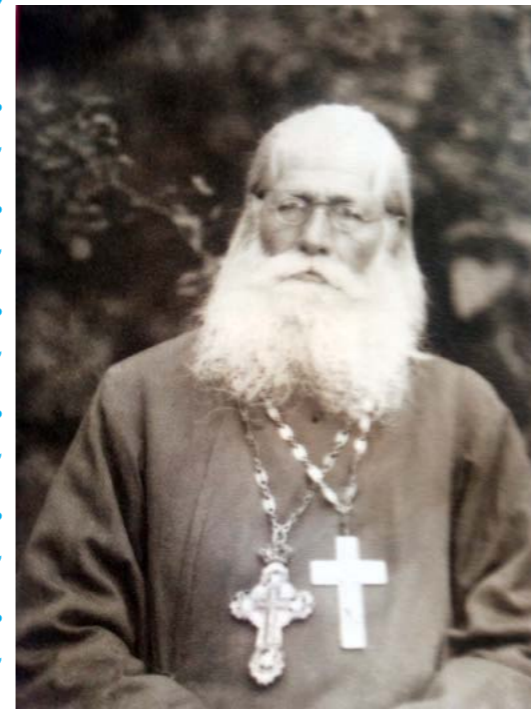
Не будем говорить, что наша северная столица ведёт свой отсчёт из Воронежа. Это весьма смелое заявление, однако штрих, и немаловажный, вплетённый в славную историю города на Неве данный факт вносит, ибо наряду с Петром I святитель Митрофан считается духовным основателем и перволюбовником Санкт-Петербурга.

Сейчас в городе трёх революций нет ни одной Митрофановской церкви, но в дореволюционной российской столице стояло два храма, посвящённые Митрофану Воронежскому.

Через пять лет после прославления воронежского святого, в 1837 году при городском кладбище, расположенном на южной Московской заставе, во имя епископа Митрофана заложили величественный собор о пяти куполах – зримое воплощение его особого покровительства столице. Впоследствии по имени этого храма назвали и кладбище. Сначала образцом для постройки новой церкви послужил Благовещенский собор в Воронеже. Но утверждённый проект оказался слишком дорогим, и пришлось обратиться к готовому плану знаменитого К.А. Тона, будущего создателя храма Христа Спасителя. Выстроенная в русско-византийском стиле церковь оказалась копией военного собора в Свеаборге – морской крепости под Гельсингфорсом (ныне – Хельсинки). Храм этот сохранился в Финляндии до наших дней. Вспоминая большую помощь владыки Митрофана в строительстве воронежской флотилии, воздвижение Свеаборгского храма видится некой вехой – началом и укреплением могучего российского флота.

В 1929 году почитаемый многими прихожанами Митрофановский храм закрыли, а в следующее десятилетие безбожная власть его уничтожила.

Второй храм во имя Воронежского святителя находился на Митрофаниевском Синодальном подворье вблизи Семёновского плаца. Архитектор П.М. Логановский в 1838 году приспособил бывший купеческий дом для Синодального подворья, где останавливались приезжавшие в столицу архиереи. Закрыли Митрофановскую церковь ещё в 1920-е годы, а во время Великой Отечественной здание разрушили окончательно.

Митрофорный протоиерей Алексей Григорьевич Дьяконов (1864-1943 гг.)

Имелось в Санкт-Петербурге и несколько престолов, посвящённых святителю Митрофану: при Покровской общине сестёр милосердия на Васильевском острове, при первом реальном училище, а также придел во Введенской церкви на Петроградской стороне.

В главном Никольском морском соборе России в городе Кронштадте над южным порталом были помещены мозаичные иконы Божией Матери «Казанская» и святителя Митрофана.

Это не единственный образ Воронежского первосвятителя. В Санкт-Петербургской епархии известно несколько чтимых икон святого Митрофана. Одна из них – чудотворная икона, называемая «мученица». Она была написана через четыре года после прославления святителя и происходила из нашего Черноземья. В слободе Замостье близ города Суджа Курской губернии рядом с Преображенским храмом стояла часовня, возведённая в честь чтимой чудотворной иконы Митрофана Воронежского. Множество паломников стекалось к ней на поклонение из Харьковской, Воронежской, Курской и других губерний России. Образ пользовался всенародным почитанием, на праздник в часовне совершались торжественные Богослужения. Последним настоятелем храма и часовни являлся митрофорный протоиерей Алексей Григорьевич Дьяконов, благочинный Суджанского уезда. В его роду насчитывалось двенадцать поколений священнослужителей. В 1911 году Дьяконов входил в состав комиссии по обретению мощей святителя Иоасафа, епископа Белгородского.

В смутные богоборческие годы церковь Преображения Господня разграбили и закрыли, затем взорвали часовню и на глазах верующих чудотворную икону святителя Митрофана Воронежского разрубили на три части топором.

Отец Алексей успел взять только две половинки разрушенной иконы и прижал их к груди. Его хотели расстрелять, но он стал молиться своему чудотворцу – и безбожники неожиданно отпустили Дьяконова домой. Отец Алексей так и пришёл к себе с двумя половинками раненой иконы. Позже протоиерей сделал для образа рамку и спасённую икону поставил в красный угол.

В 1922 году Дьяконова арестовали, он около четырёх месяцев просидел он в курской тюрьме. Освободившись, протоиерей продолжал свой пастырский подвиг. Осенью 1929 года его сослали на Дальний Восток сроком на пять лет, однако отец Алексей по горячим молитвам, обращённым к святителю Митрофану, вернулся домой через три года. Правда, Дьяконову до конца дней запретили проводить Православное Богослужение. Умер отец Алексей в мае 1943 года.

Икону-мученицу он передал своим детям и внукам с благословением хранить и почитать её. Сейчас святой образ находится в семье правнука Дьяконова, Владимира Пономаренко, проживающего в Санкт-Петербурге. В 1970 году икона стала обновляться, а лик святителя Митрофана Воронежского заметно посветлел. Выполняя свой христианский долг перед первым молитвенником за град Петров, семейную святыню – икону-мученицу святителя Митрофана Воронежского – правнук часто приносит в храмы Петербурга.

В год трёхсотлетия Санкт-Петербурга в Казанском кафедральном соборе торжественно прошёл молебен с акафистом небесному покровителю города – святителю Митрофану. В храме встретились два чудотворных образа: икона Божией Матери «Казанская», которой святитель благословил Петра I, и икона-мученица Митрофана Воронежского.

Этот святой образ побывал в самых разных уголках нашей страны: в Москве, Владимире, на Ивановской и Костромской землях, её с почётом встречали в Ярославской епархии и Псковских краях, в Курске, Твери и Карелии. В 2003 году, в юбилей трёхсотлетия со дня блаженной кончины святителя Митрофана Воронежского икону-мученицу приносили во многие храмы и монастыри Санкт-Петербургской епархии. В день празднования иконы Божией Матери «Казанская» 4 ноября 2006 года и в год столетия со дня освящения Путиловского храма за Нарвской заставой, который в своё время освящал праведный Иоанн Кронштадтский, икону-мученицу доставляли на литургию. 6 ноября 2010 года в день рождения святителя Митрофана икона с крестным ходом побывала на Митрофановском кладбище, где во временно построенной часовне Воронежского святителя был отслужен молебен.

Пребывала икона-мученица и на Воронежской земле. 5 декабря 2002 года святой образ привезли в Воронеж и поставили в Покровском кафедральном соборе. В это время в соборе готовились к всенощной, и священники выдвинули раку с мощами святителя Митрофана в центр храма. По признанию митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия, такую икону он видел впервые. Каждый день в собор приходили жители Воронежа, чтобы приложиться к святыне, приезжали паломники из Волгограда, Липецка и других городов России.

Ровно через год, в канун дня трёхсотлетия преставления святителя Митрофана Воронежского икона-мученица снова посетила Воронеж. Сначала её повезли в Никольский храм, где находится придел святителя Митрофана. Навстречу из храма под колокольный звон вышел крестный ход. Затем святой образ торжественно перенесли в Покровский кафедральный собор и поставили возле раки с мощами святого. На следующий день, 6 декабря праздничную литургию служили одиннадцать владык, прибывших на юбилей из разных епархий России. Затем икону-мученицу перенесли в Алексиево-Акатов монастырь, где в течение двух дней монахи совершали чтение «Неусыпаемого Акафиста» святителю Митрофану Воронежскому.

Игорь Маркин

ПАСТЫРЬ МИЛОСЕРДНЫЙ, ТРУЖЕНИК НЕУСТААННЫЙ

О Святителе Митрофане Воронежском как о милосердном пастыре и ревнителе Православной Веры, об обретении его честных мощей и о чудесах, свершаемых над ними, писалось не раз. Добавить что-то новое к портрету святителя, с одной стороны, чрезвычайно непросто: литература о нашем первом епископе обширна и многогранна. С другой же стороны, такая личность, как Митрофан Воронежский, никогда не будет познава до конца, ибо глубина его деяний всякий раз призывает к новому осмыслению.

К примеру, кто были родители Митрофана Воронежского? В «Завещании», повествуя о своём рождении, Митрофан написал: «Я родился в мир сей от благочестивых родителей и воспитан ими в непорочном благочестии Восточной Церкви, в Православной Вере».

Почему Митрофан Воронежский не указал конкретно, кто его родители? Здесь ответ очевиден: «По смирению своему, Митрофан, скрываясь от взоров света, сокрыл от соотечественников... имена добродетельных своих родителей».

Рядом с Предтеченским храмом села Сидоровское, в котором Митрофан служил в сане священника, ещё до революции 1917 года был установлен деревянный крест: считается, что именно там, на бывшем кладбище, упокоились его родители. К кресту приходили многие, получая помощь по молитвам угодника Божия Митрофана.

Конечно же, некоторые подробности рождения будущего епископа Воронежского известны. В первую очередь – по синодиду святителя. Епископ Южно-Сахалинский и Курильский Даниил вспоминает: «Будучи студентом семинарии, я получил поминальный синодик святителя Митрофана, в котором были записаны его родные и близкие». На сей день установлено, что родители будущего воронежского святителя – это священник Василий и его жена Мавра. Однако ещё до революции не все церковные историки разделяли подобное мнение. Дело в том, что в старинных синодидках имена записывались по «лика», причём следовали они в таком порядке: преосвященные, архимандриты и игумены, иеромонахи, белые священники, диаконы, схимонахи, монахи, миряне и младенцы. В каком именно лике нужно искать родителей Митрофана точно неизвестно.

Случайно ли назначение Митрофана на новую Воронежскую кафедру? Отнюдь нет. Обустройство новой епархии подразумевает решение многих, и не в последнюю очередь – организационных вопросов, а первый наш епископ являлся опытным хозяйственником. Будучи игуменом двух обителей, Митрофан не раз бывал в Москве и хорошо знал её порядки.

Ведь главная причина возникновения Воронежской епархии – борьба с расколом. А Митрофан хорошо знал, что такое раскол. Мало того, он лично участвовал в знаменитых кремлёвских

прениях с раскольниками. К слову, уже находясь на Воронежской кафедре и решительно борясь с раскольническими настроениями, крайние меры по отношению к поборникам старой веры Митрофан применял крайне редко, призывая действовать «научением и от противности церковной отвращением». Для искоренения раскола во многих сёлах первосвятитель учредил школы. В Воронеже той эпохи грамотность весьма высока – 17% среди всех слоёв населения. В 1703 году в селе Ендовище уже была школа, учительствовал в которой священник местной Успенской церкви Роман Прокофьев. Есть намёки на существование ещё в 1683 году школы в Землянке, известен и землянец-школьник: Василий Ерофеев.

Воронежский святитель без устали трудился в нашем беспокойном крае. За время епископства Митрофана количество духовенства в епархии почти удвоилось. И это способствовало усилению благотворного пастырского влияния на население и улучшению церковного Богослужения. Митрофан ввёл церковные пения при Богослужении и запретил посвящать в священники лиц недостаточно подготовленных; им обозначен для того возрастной ценз, который колебался от 20 до 30 лет. Во взятом святителем курсе на постепенное омоложение клира тоже прослеживается политика борьбы с расколом.

Противился Митрофан и ранним бракам. Так что венчавшиеся в нашей епархии относились к браку с особой серьёзностью, ибо знали: епископ редко давал развод, даже в случае неверности одной из сторон заменял развод церковным покаянием или денежной пеней в пользу храма.

До сих пор идёт полемика по поводу того, насколько святитель Митрофан был близок к Петру I. Среди прочих аргументов в пользу «случайного совпадения», давшего начало взаимоотношениям царя и Воронежского епископа, приводится тот факт, что прибывший в Воронеж голландец Корнелий де Бруин о Митрофане не упоминает. Аргумент, скажем так, сомнительный. Вообще-то встречи святителя Митрофана с царём при голландце исключались. Да и кто такой Корнелий де Бруин? Иноземец, художник, путешественник и... резидент. Да и занедужил уже епископ в пору его вояжа – не до заезжих латинян ему было.

Воронежский святитель Митрофан был близок Петру вовсе не по случайному совпадению. 25 июня 1682 года на царство венчались Иван Алексеевич и Пётр Алексеевич. Митрофан, уже назначенный Воронежским епископом, принимал участие в коронации, поднося «державу» – знак царской власти – именно Петру. Что это, как не Промысел Божий? Это венчание на царство в десятилетнем возрасте монарха, конечно, сблизило царя и Митрофана, то есть Пётр узнал воронежского святителя уже с ранних своих лет. И помнил, к тому же, что именно в Воронеже планировался и осуществлялся

Воронеж глазами Корнелия де Бруина

Василий Кривооручко. Строительство флота в Воронеже

начальный этап выхода к тёплым морям – красная нить геополитики Русской Державы ещё со времён Олега Вещего. Пётр рассказывал своим приближенным, как после чтения «Повести временных лет» у него возникло желание отомстить врагам христианства. Мысль эта окрепла в нём, когда во время поездки в Воронеж он обозревал Дон и увидел, что этой рекой можно напрямую выйти в Чёрное море. Так и неудивительно, что постоянные воззвания Воронежского владыки Митрофана бороться против нехристей нашли в мыслях и деяниях Петра I горячую поддержку. И стал Воронеж по праву впоследствии именоваться колыбелью Русского военного регулярного флота.

В 1689 году семнадцатилетний Пётр спасается от Софьи и стрелецкого бунта в обители Сергия Радонежского. В память о том в 1690-1694 годах по указу царя в Высоко-Петровской обители строится храм во имя преподобного Сергия Радонежского с трапезной. Церковь повторила трапезный храм Троице-Сергиевой лавры с приделами во имя святителей Алексия Московского и Митрофана Воронежского. Тоже случайность?

Многие инициативы святителя перекликаются, так или иначе, с деяниями Петра Алексеевича. Так, среди прочих нововведений Воронежский епископ обязал не хоронить непознанные трупы, прежде не выяснив причины их смерти. Уже после кончины епископа практика эта велением Петра войдёт в «Воинский устав»...

В годы, когда святитель Митрофан возглавлял Воронежскую церковную кафедру, всё ещё не схлынула от земель русских татарская угроза. Что это такое, Митрофан знал не понаслышке, и потому так ревностно выступал против нехристей. 1 августа 1683 года на праздник Происхождения Честных Древ епископ Митрофан решил совершить Крестный ход со святыми иконами из Воронежа на источник для освящения воды и просил воеводу Семёна Петрова, чтобы тот велел на всякий случай быть рядом стрельцам с ружьями.

Жертвуя немалые деньги на строительство Русского флота, владыка Митрофан говорил: «Каждый сын Отечества должен посвящать

остатки от издержек своих нужде государственной: прими же, государь, и от моих издержек оставшиеся сии деньги и употреби оные против неверных». Святитель Митрофан благодетельствовал многим: нищим, убогим, не чурался и колодников, стараясь «внести умиротворение в их сердца». К слову, раздавая милостыню, давал и «на иноземцев».

Митрофан (в схиме Макарий) скончался 23 ноября 1703 года, и в тот же день царь выехал из Москвы на Воронеж. Часть исследователей считает, что царь выехал в Воронеж из Москвы ранее и узнал о преставлении святителя Митрофана уже в пути, на основании чего делается всё тот же вывод: Пётр Великий не специально отправился на похороны первого воронежского епископа, а оказался-де там случайно – опять просто совпадение, дескать. Знакомый мотив...

Да, в день кончины Митрофана Пётр не мог получить о том известия, и приезд его в Воронеж намечался ранее. Правда, когда в нашем городе подписали договор с Данией, посол Емельян Украинцев выехал в Воронеж в тот же день. Узнав о смерти святителя Митрофана, монарх решительно ускорил свой путь – и это главное. В Воронеже царь принял личное участие в похоронах епископа Митрофана, состоявшихся 4 декабря. До самой усыпальницы Пётр на своих плечах нёс домовину с телом почившего. Даже если предположить, что самодержец прибыл в Воронеж не специально на погребение Митрофана, а «так сложилось», то задержался Пётр в Воронеже намеренно.

Изначально «Духовное Завещание» святителя Митрофана должно было читаться при его погребении. Показательный момент: на похоронах присутствовали иностранцы, которые могли услышать из строк «Завещания» нелестные характеристики в свой адрес. А под оригиналом «Духовного Завещания» святителя записаны слова царя Петра, сказанные вслух по поводу его кончины, и при иноземцах в том числе: «Не осталось у меня такого святого старца...». Да, впоследствии рядом с Петром будут иные духовные наставники, но такого – уже нет, и не будет. Пока был жив владыка Митрофан, Пётр Алексеевич не особенно поглядывал в сторону Европы, во внешней политике пытаясь осуществить иное направление.

Первый Воронежский епископ явился не только для великого самодержца, но и для всего нашего народа неким безупречным авторитетным наставником, связанным с Небесами духовными узами. Он в тяжких трудах и заботах в сверхсложной общественной обстановке сумел отстоять Православную Веру на нашей земле, сохранить и поддержать всё лучшее в русских и значительно обустроить Воронежский край.

Святителю отче Митрофане, моли Бога о нас!

Андрей Лосев. Освящение корабля Гото Предистинация епископом Митрофаном Воронежским в 1700 году. Фрагмент.

МЫ УЖЕ ВИДЕЛИ НЕБО

Недавно один мой друг написал в соцсетях: «Жизнь гораздо больше похожа на античные трагедии, чем на «Евангелие». И чтобы даже не вырваться из этих тисков рока, а хотя бы их ослабить, на время осознать себя вне его власти, нужно то самое «усилье Воскресенья», про которое писал Пастернак».

Живя здесь и сейчас, мы нередко припоминаем слова Бродского о нашей современности из его Нобелевской речи: «В настоящей трагедии гибнет не герой – гибнет хор», – и ежедневно видим, слышим, осязаем эту трагедию – и вне себя, и внутри...

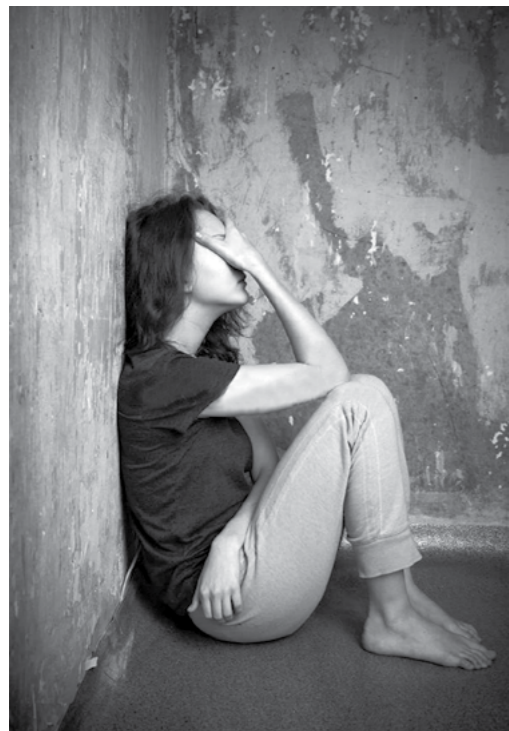
Ждали лета – приходит зима: ураганы, землетрясения и оползни сминают человеческие жизни, как бессмысленный хулиган на пляже пяткой топчет возведённый малышами песочный замок. Дети, дети гибнут повсюду, детей запирают в автозаки, детей посылают на войну...

Больного арестованного старика в реанимации приковывают к кровати наручниками. Старушек сажают за буханку хлеба, правдолюбив – за перепост в соцсетях; сильных мира сего, сбивших по пьяной лавочке машину ребёнка или разворовавших регион, угодливо отпускают.

«Господи! Кто виноват, мы или предки наши, что творится вот это всё?!»

Тот тридцать лет отдал родному предприятю – новое начальство сократило и вышвырнуло, не дав доработать двух месяцев до пенсии.

У этой рак, она молилась, ездила к мощам, воспряла, жила верой и надеждой – вернувшись, узнала, что рак дал новые метастазы.

Те так хотели детей, шесть лет не могли родить, он бросил её, ушёл к другой – и надо же, сразу родили; она не вынесла, сунула голову в петлю.

Эта выгнала мужа-алкоголика, вырастила сына сама, всё ему отдала, только чтоб не повторял отца – сын вырос, сел на наркотики, умер от гепатита, заразившись грязной иглой.

Земля вокруг перестаёт родить, воздух несёт болезни, лет тридцать назад которым и названий не знали, молодость проходит бесследно. Крутые ещё вчера гаджеты мгновенно морально устаревают, деньги теряют подтверждение «золотым стандартом», лекарства – подлинность и лечебность, сердце – веру и смысл, надгробия – имена, память зарастает известью, могилы любимых – бурьяном. Только этот бурьян, кажется, и вечен, да пластик и целлофан на свалках, говорят, всех переживёт, да неизменно саднит шею, натёртую ярмом ипотек и кредитов, которые завещаем внукам и правнукам...

Вместе с любящими дряхлеет, черствеет, крошится земная, такая, казалось когда-то, долговечная любовь. И всё доброе, что хотели бы мы удержать в себе – не держится в нас, и любой наш грех возвращается снова едва ли не сразу по отшествию от исповеди, и все «благие намерения» ведут нас одной и той же скользкой дорогой...

Ладно бы не болело, не рвалось, не вопило, не продолжало чего-то искать и искать: что-то такое внутри, в глубине души – то, без чего человек в общем и не человек, что и даёт ему видеть и осознавать мир как трагедию, но при этом страшно, невыносимо болит, рвёт живое на волокна, толкает на край ада и не даёт отключиться, заставляя проживать открывшееся на краю – именно как ад, невыносимый, бессмысленный и нескончаемый...

Трагедия нашей жизни многолика, у неё множество имён, их перечню нет конца, словно нет конца наименованиям мусора, перегорающего на свалке в единый удушливый дым. Дым трагедии поднимается ввысь, собирается в однотонную свинцовую тучу, застилающую небеса.

И туда, в эту тучу, в тот или иной момент жизни, теми или иными словами, кричит отчаявшийся человек: «Господи! Кто виноват, мы или предки наши, что творится вот это всё?!».

Ища ответ, я листаю «Евангелие». Оно раскрывается – в Неделю о слепом.

«И, проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: «Равви! Кто согрешил: он или родители его, что родился слепым?»

Иисус отвечал: «Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нём явились дела Божии. Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе день; приходит ночь, когда никто не может делать. Доколе Я в мире, Я – Свет миру». Сказав это,

Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому и сказал ему: «Пойди, умойся в купальне Силоам, что означает: «Посланный». Он пошёл, и умылся, и пришёл зрячим» [Ин. 9, 1-7].

Вот оно, то самое «Усилье Воскресенья» – это усилие Христа. Он встречает нас у дороги, Он делает усилие ради нас. И наше «усилье Воскресенья» должно последовать, усилие в ответ Ему от нас: встану и пойду, промою глаза.

Я всегда пытался себе представить, как этот человек шёл к купели Силоам: знал ли дорогу наощупь, спрашивал ли у встречных, с каким усилием он шёл, всё ещё не видя, с глазами, замазанными грязью, какая вера в Пославшего вела его, что расслышал он в словах, сказанных Ему Христом...

Прозревший в результате «усилья Воскресенья» человек не перестаёт видеть мир полным трагедии, напротив: видит ещё, может быть, отчётливее, чем прежде. Но он теперь видит и выход из рокового плена, видит Христа, видит людей такими, какие они есть, и видит, что делать, чтобы помочь им и себе самому не просто выжить в трагедии – чтобы обрести качественно иную жизнь, чем та, которая когда-то застилала его зрение дымной тучей безнадёжности и отчаяния.

Пишу это – и вижу лица многих близких мне людей, не абстрактного «читателя», а вполне конкретных христиан, тех, кто в своей слепоте уже был когда-то замечен Христом у дороги, кто уже говорил с Ним, кому уже был дан шанс ответить своим усилием на усилие Христа, кто уже стал зрячим...

Держитесь, друзья мои, не отчаивайтесь. Дым от тлеющей свалки трагедии всё гуще, всё сильнее ест и слезит нам глаза? Да, но мы-то – вспомните – уже зрячие. Мы уже видели Небо и знаем, где оно.

Священник Сергей Круглов. С сайта www.pravmir.ru

*Время движется
с космической скоростью,
Господу надоело наше
пустое времяпрепровождение,
и если гнев Его пока пролился
кислотной моросью,
то невозможно не понять:
это – предупреждение.
Стадо кочует от телевизора
к экрану компьютера,
от гаджета к гаджету,
от мобильного к мобильнику,
и если требуется перекусить
(вечер там или утро),
то можно по навигатору
пройти к холодильнику...
Мир виртуальный
всё громче стучит и яростней
в двери и окна, в крыши
и в наши головы –
и исчезают леса, высыхают реки,
тают снега полярные.
Скоро опять мы предстанем
пред Господом – голые...*

Константин Смородин

ВЕЩИЗМ: КАК НЕ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К МАССОВОМУ ПОМЕШАТЕЛЬСТВУ

Знак эпохи массового потребления – безумное увлечение вещами и лёгкая нажива торговцев на этом коллективном помешательстве. Спиннеры, айфоны, покемоны – нам постоянно пытаются что-то всучить и навязать, убедить в том, что без нового модного гаджета жизнь не та – не так полна, модна и интересна, как у их счастливых владельцев. Насколько же безобидно поддаваться подобным увлечениям и где та грань, переходить которую не стоит? Советуют православные пастыри.

Священник Валерий Духанин: «Христианин – человек свободный и независимый, в правильном смысле этого слова. Подлинный христианин не станет увлекаться безделушками, которые пропагандируются массовой культурой. Если ты крутишь в руках совершенно бесполезный механизм, называемый спиннером, то подумай, насколько ты на самом деле свободен. Ведь ты взял в руки то, что тебе навязали – значит, и душа твоя стала зависимой.

Зависимость – это не только наркомания или алкоголизм, но и дурман от навязанных игр, вещей, статусных увлечений. Непременно требуется иметь дорогой айфон, воспринимать и копировать стиль поведения «продвинутых» людей, и всё это – непонятно ради чего. Говоря мирским языком – это кураж, «понты», а на языке аскетике это именуется тщеславием, то есть пустой, тщетной славой, механическому подчинению своих желаний, своей души правилам мира сего. И страшно здесь именно то, что человек увлекается чем-то пустым, бесполезным, а зачастую даже и вредным. Именно так кто-то увлёкся курением, а кто-то – и наркотиками только потому, что так поступали другие. В психологии есть понятие зеркального отражения, когда человек невольно начинает имитировать в своей жизни то, что видит у других, легковёрно включает в свой внутренний мир то, что воспринял от кого-то. Такой несамостоятельный, ведомый человек быстро перенимает чужое и начинает поступать как зеркальное отражение, быстро воспроизводя в самом себе закон чужого греха. Христианин же призван к свободе, то есть может и должен трезво оценивать происходящее, адекватно воспринимать вторгающиеся искушения и отвергать их, как ненужный сор.

Причина любой зависимости в том, что человек не имеет внутри стержня жизни – того главного, чему он готов следовать. Неустойчивая душа всегда найдёт себе глупое увлечение. Внутри – пустота, а душа по самой природе своей настроена на какую-то деятельность. Человеку надо себя чем-то занять, вот он и вертит в руках какую-то глупость или ловит в виртуальной игре забавных зверьков, именуемых покемонами. Всё это, по существу, то же самое, что дуть пузыри из жевательной резинки. Лица, заинтересованные в прибыли от сих доходных дурных увлечений, будут объяснять это как угодно: что это снимает стресс, помогает сосредоточиться, даёт лёгкий отдых. На самом деле даже в США серьёзно подумывали о запрете спиннера, так как он стал отвлекать школьников от учёбы, лишил их сосредоточенности, снизил успеваемость. Это относится к любой зависимости. Христианину вместо спиннера лучше взять в руки чётки, для сосредоточенности – почитать молитву Иисусову, а

вместо ловли покемонов пусть внимательнее следит за своими помыслами и отсеивает каждую злую или развратную мысль, посещающую его. Православная аскетика с правильным самонаблюдением и внутренним трезвением, с распознаванием вторгающихся помыслов и молитвой на самом деле может дать намного больше интересного и творческого, чем потребительская культура мира сего».

Священник Димитрий Шишкин: «Что делать, чтобы не страдать от вещизма? Вопрос, на самом деле, очень простой, и ответ простой. Надо любить всем сердцем Христа и Его Церковь, любить свою Веру и православную жизнь. Прилагать все усилия к тому, чтобы проникнуться духом Христовым, и тогда все или, по крайней мере, большинство из современных фетишей будут попросту неинтересны, потому что они рассчитаны на заполнение пустоты, вакуума духовного и душевного. Даже и не знаю, что тут ещё можно добавить».

Священник Святослав Шевченко: «Нужно выпрыгнуть из «колеса» общества потребления. Читать, смотреть и слушать то, что приносит пользу, а не то, что модно у сверстников. Зачастую это интеллектуальный «попкорн», который съел и – через двадцать минут забыл. Надо стараться жить по средствам. И в любой ситуации оставаться самим собой, не играя чужие роли.

Человек, который гребёт против общего течения, против пустой массовой моды, всегда будет интересным собеседником и эмоциональным лидером, к мнению его станут прислушиваться. Именно так сегодня можно стать сильной личностью – стремиться быть не «как все», а как лучше и полезнее. Кого-то массово травят – заступись, от кого-то отвернулись – поддержи. Носи одежду, в которой тебе тепло и удобно. Покупай гаджеты, которыми будешь пользоваться, и той марки, которая тебе по карману. Ты – это ты, а не кто-то другой. В общем, не сотвори себе кумира».

По са́йту: <http://www.pravoslavie.ru>

КОМПЬЮТЕРНЫЙ БОГ

Именно этими словами о Максиме с восторгом говорили в университете все, кому приходилось иметь дело с этим молодым сервис-инженером. Так успешно излечившиеся больные нередко называют своего доктора-спасителя: «Врач от Бога!»

Если вы хотя бы приблизительно знаете материальные условия, в коих ныне киснет провинциальное высшее образование, то вас не удивит, что без Максима в этой сфере было никак не обойтись. Даже заслуженный профессор Гайворонский Лев Константинович десять лет пользуется давно устаревшим компьютером, затерзавшим своего выдающегося владельца медлительностью, затычками при каждом нажатии клавиши или движении стрелкой, а также иными безобразными «глюками».

Знал ли «компьютерный бог» Максим о столь почётном присвоенном ему коллективом родного вуза прозвании, неизвестно. Однако он ему в достаточной степени соответствовал. Несмотря на свои молодые годы – деловит, неразговорчив и словно отстранён от всяческой земной суеты. Бывало, выясняя, что случилось с тем или иным компьютером, оборвёт на полуслове не то что профессора, а даже и самого ректора Андрея Леонтьевича Алёхина. А с усмешкой определить статус человека, по причине явного незнания тем основ практической кибернетики, было для него вполне привычно: лох, виндузятник, костамер, – в общем, всякие чайники да ламеры из нубаков...

И вот настал день, когда «пентюх» Гайворонского в очередной раз объявил забастовку, вырубилос и больше не подавал никаких признаков загадочной компьютерной жизни. «На пенсию просится», – вздохнул его заслуженный пользователь. И два первокурсника, неуклюже подхватив омертвевший системный блок, понесли его в службу сервис-инженеров. Лев Константинович тут же набрал максимов номер, чтобы уточнить сроки ремонта, однако телефон не ответил. Можно было обратиться к другому специалисту, но профессор, как и многие другие, доверял только «компьютерному богу».

Через неделю до Гайворонского через уборщицу Клавдию Львовну дошла информация, что Максим болен и через то на работе не появляется.

– Оказывается, и компьютерщикам ничто человеческое не чуждо! – воскликнул профессор, но тотчас и устыдился своего пенсионерского юмора.

Вздохнул, печально покосившись на мертвенно-тёмный экран монитора: – Да, все под Богом ходим...

В конце концов, Лев Константинович набрался решимости и попросил у ректора новый компьютер. Алёхин похвалил учёного за большой вклад в науку и образование, пожелал ему доброго здоровья в его девяносто лет и, повздыхав и помявшись раздумчиво, распорядился-таки выдать Гайворонскому компьютер из своего особого резерва. Конечно, тоже баушный, но в разумных пределах.

С тех пор о Максиме Лев Константинович как-то не вспоминал, не приходилось. Ведь кроме как через неисправность «железа» их пути в университете никак не могли пересечься. У профессора – кафедра, аудитория, учёный совет, ректорат и лаборатория. У сервис-инженера – комната под кодовыми замками с решётками на окнах, куда ему приносят на вскрытие бездыханные компьютерные тела.

Правда, однажды в опустевшем к вечеру университетском многокилометровом коридоре (здание вуза было спроектировано на заре прошлого века) в сумерках вдруг мелькнул мимо Льва Константиновича некто как будто знакомый. Более того, показавшийся ему тем самым Максимом – всевидящем и всезнающим «компьютерным богом»! Смущённо кашлянув, профессор влоборота приобернулся. Нет, кажется не он, ошибся... Максим человек молодой, резвый, а этот идёт неуклюже, сильно припадая то на одну, то на другую ногу, ещё и приволакивает их через шаг.

Гайворонский открылся, успев, однако, увидеть, как человек скрылся в дверях их недавно восстановленного университетского домового Крестовоздвиженского храма. Кстати, это тоже по-своему подтверждало, что он разминулся в коридоре никак не с Максимом: профессор, хотя и родился в годы воинствующего атеизма, но в этом святом месте не раз бывал в свите воцерковлённого университетского ректора, но «компьютерного бога» в храме ни разу не встречал.

Месяца через два-три на факультете приказал долго жить системный блок у самого декана. Лев Константинович, несмотря на свои девяносто, быстро сориентировался и предложил позвонить Максиму.

– Поверьте, он всё отладит влёт! – восторженно заявил Гайворонский и добродушно усмехнулся. – Надеюсь, наш многоуважаемый молодой человек уже вполне здоров?

И тогда-то, опять через уборщицу Клавдию Львовну, он впервые узнал, что Максим, оказывается, не только не поправился. Напротив, за это время его болезнь усилилась: это оказалась какая-то особая форма скоротечной онкологии, которая будто бы оставила их «компьютерному богу» жить не более месяца. Родители и молодая жена Максима Ира, работавшая в университете в типографии, экстренно возили его в Москву в Центр Блохина. Потом, благодаря горячему участию ректора, больного смотрели мировой известности германские и израильские врачи. Только никто оптимизма не высказал, и лечение, отнюдь не дешёвое, парню назначили скорее для отвода глаз. Максиму становилось всё хуже, и его близкие в отчаянии решили ехать с ним на Алтай к тамашнему продвинутому шаману, – услышать волю небес.

Окончание на стр. 22

Однако в день отъезда Максим, как поведала Клавдия Васильевна, из последних сил самостоятельно добрался до университетского храма и принял Крещение. Знаменитый шаман его так и не дождался.

— И пришёл бог... к Богу!.. — на кафедре прилюдно с воодушевлением пошутил Гайворонский, узнав о таком повороте судьбы в жизни молодого сервис-инженера, и хотел, было, даже осенить себя крестным знамением, но постеснялся, так как всё-таки был рождён в эпоху воинствующего атеизма.

Вскоре девяностолетний профессор на полгода уехал во Францию читать в Университете Париж-Дофин лекции по заглавной теме всей его жизни: ландшафтное земледелие, без коего год от года множась человечеству как своих ушей не видеть на столе экологически чистой продукции. Вернулся Лев Константинович под Рождество Христово. И — так уж установилось при вузовском ректоре — не мог пропустить праздничную службу в университетском домовом храме, как, впрочем, и прочие члены ректората и учёного совета.

Старательно восстановленный, ёмкий и вдохновенно распахнутый небесам, Крестовоздвиженский храм располагался на втором этаже главного корпуса под высоким куполом с вызолоченным крестом, появившемся на своём месте ещё в 1998 году, как раз первого сентября. Лишь окошки для киноаппарата над входом напоминали, что здесь долгие десятилетия студентам показывали художественные фильмы.

В ожидании начала Литургии восторженно сияли пыльным пламенем свечи, благолепно торжествовали иконные лики — и светлая кроткая радость была во всяком здесь смиренно объявившемся человеке, особенно если на лице его обнаруживалась нежная бледность покаянного пощения, а в глазах потаённо мерцала тихая исповедальная благодать.

И вдруг всяк в храме приостановился и притих. Кажется, все теперь смотрели в одном направлении. Туда машинально повернулся и Лев Константинович.

В храм, несколько припадая на одну ногу и, чтоб это особенно не бросалось в глаза, помогая себе тонкой тростью, вошёл высокий розовощёкий молодой человек с самым настоящим счастливым юношеским взглядом. Гайворонский напрягся, прищурился, но так и не узнал его. Может, кто-то из новых сотрудников?

Появление этого человека вызвало у прихожан особое оживление. Кто немедленно подходил его поприветствовать, кто издала нежно улыбался. Тихо звучало вокруг него: «С праздником! Спаси Господи! С Рождеством Христовым!» А он, словно в сияющем облаке из этих слов, сдержанно направился приложиться к главной иконе...

Мимо деловито проходил отец Алексей — но, приостановившись, с неожиданной радостью приблизился к молодому человеку, и когда тот смиренно склонился, прося благословения, летящим движением проникновенно осенил его крестным знамением. У Гайворонского слёзы навернулись — столь всё было благолепно.

Молодой человек неспешно, с видимым воодушевлённым трепетом подступил к праздничной иконе «Рождество Христово», а потом Лев Константинович потерял его из виду. Кажется, тот стал возле клироса, чтобы лучше слышать пение. Какая-то женщина из певчих счастливо поклонилась ему. Кажется, это была Ира из типографии, жена их бывшего университетского «компьютерного бога».

— Как вам наш новый Максим?.. — сдержанно, но с волнением проговорил ректор стоявшему рядом с ним профессору Гайворонскому.

— А где он? Разве он здесь? Ему лучше стало? — смутился Лев Константинович.

— Отныне он вполне здоров. Так вы не узнали его? Этот тот молодой человек, который недавно был тут встречен всеми с душевным восторгом! — проговорил Алевксин.

— Ни за что не подумал бы! Он вообще на прежнего Максима не похож: ни на больного, ни на здорового! Совсем другой человек.

— Истинно так! — улыбнулся ректор. — Как душа Максима обрела новую жизнь во Христе — так он внешне весь и преобразился. А своим самочувствием нынешним всех врачей поразил!

— А что же его жена?.. — любопытствовал Лев Константинович.

— И у Иры всё замечательно сложилось. Тоже приняла крещение. Теперь она у нас на клиросе поёт. Вы её ни за что не узнаете, так она преобразилась. Такая вдохновенная в вере!

Тут чья-то рука бережно коснулась локтя Гайворонского. Профессор обернулся.

— С праздником! — трижды поклонившись ему, проговорил новый Максим непривычным для Льва Константиновича кротким голосом. — Извините, профессор, что не помог Вам тогда с компьютером. Так сложилось неудачно. Прости, Господи. Теперь я всегда к Вашим услугам!..

И отступил, вновь истово кланяясь профессору.

— И вы меня простите!.. — глухо вскрикнул Лев Константинович, едва сдержавшись, чтобы не заплакать. Кажется, ещё никогда в жизни заслуженный профессор Гайворонский, рождённый в эпоху воинствующего атеизма, так отчётливо и так покаянно не чувствовал себя рабом Божиим... Слово это и было главным обретением, во имя которого он жил все свои долгие девяносто лет.

Сергей Пылёв

ОСНОВА ДУШЕВНОГО РАВНОВЕСИЯ

Половина болезней начинается с душевных проблем, и если мы посмотрим на эти проблемы повнимательней, то увидим, что все они являются следствием огромной неуверенности, одиночества и страха. А вера в Бога побеждает всё это.

Один человек от сильного волнения ничего не ест, а другой наоборот — начинает набивать желудок. Врачи часто говорят, что причина чревоугодия — в эмоциях. То есть, например, человеку не хватает любви — а он бежит к холодильнику. Хотя тоскует не по тому, что в холодильнике, а по теплу, любви, объятиям, поцелуям, нежности, ласковому слову. Ему хочется услышать, что он любим, что его ценят. Без этого он чувствует пустоту в душе и хочет её наполнить, но не знает, как это сделать — и наполняет желудок.

Вот почему мы и бегаем к холодильнику. Хочется насыщения. Но затем прибавляются лишние килограммы, и это начинает нас сильно беспокоить. А от беспокойства мы едим ещё больше — и получается замкнутый круг.

В чём же причина? В душевных проблемах. Что происходит в человеческой душе? Человеку не хватает любви, ему кажется, что его не ценят. Кажется, что поставленных целей не достичь. И мы начинаем задаваться вопросами: «Для чего я живу? Что я делаю здесь, в этом мире? Кому я нужен?»...

Когда мы с Богом, то ни в чём не нуждаемся. Нам не нужно лопаться от переизбытка, чтобы «насытить» свою душу, потому что мы насыщаемся Любовью, Благодатью, Милостью Божией, нежностью — всем тем, что дают нам наши родные и друзья. И после этого всё приходит в равновесие.

Архимандрит Андрей (Конанос)

В СТРАШНУЮ ГОДИНУ

19 декабря — память святого Николая, Мир Ликийских Чудотворца. Много чудес свершилась и свершается по молитвам к нему.

Война, глубокая осень 1942 года, оккупация. Школы в Латвии не работают; можно устроиться на работу в Белоруссии, но туда не добраться...

В одну из минут безысходности я подошла к образам и стала просить святителя Николая Чудотворца: «Отче Николае, всем ты помогаешь, а я никогда к тебе не обращалась. Помоги и мне! Одна я со старой матерью, нет у меня ни отца, ни брата, ни мужа. Будь мне отцом, помоги, отче! Никому ты не отказываешь, не откажи и мне!..».

В тот же день мы смогли уехать в Белоруссию. Я устроилась заведующей в деревенской школе. Жили и кормились мы у одного крестьянина, и за это я отдавала ему свои «учительские» дрова, а достать их в той местности было трудно. Среди зимы в деревне стали поговаривать, что дров больше не будет. Я начала волноваться, стала опять просить святого Николая Угодника: «Батюшка мой! Выручай меня, помоги с дровами! Ведь иначе не расплатиться мне с хозяином. Он же кормит нас!..».

Через некоторое время сообщили, что выделили для сбора дров другой участок, но там были партизаны, и ехать нельзя. А я всё прошу святителя: «Помоги мне, я ничего не могу сделать сама...».

Живём среди зимы не топим — нечем, в комнате по ночам замерзает вода. Как-то утром хозяин поехал куда-то в лес, поискать сушняк для печи. Вдруг вижу в окно, что через поле к нашему дому едет подвода с дровами!.. Оказалось, дрова эти — для меня!

Возница рассказал: «Вчера мы возили дрова в волость. Нагрузил я воз, поехал. Вдруг конь мой встал — и ни с места. Ложится на землю, и всё тут; ничего с ним не сделать. Бился с ним, бился, кое-как добрался до вашей деревни. Уже стемнело, я заночевал у людей. Утром решил ехать домой, а оттуда — в волость. Доехал до дороги, а лошадь опять ложится. И вижу: идёт навстречу работник вашей школы. Я рассказал ему о своих злоключениях. Он и посоветовал отвезти дрова вам:

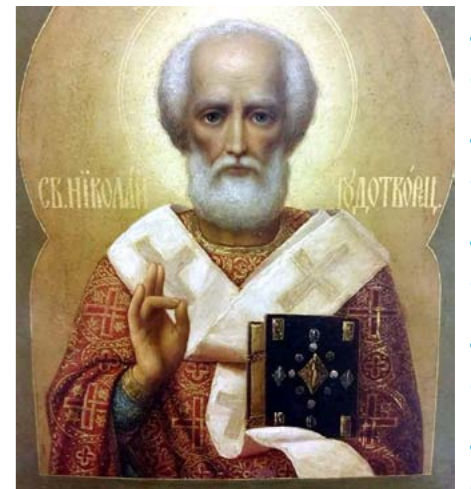

*Ладит бабка лампадку,
чтоб не коптил фитиль,
чтоб к утреннему порядку
Дух свысока сходил...*

*И огонёк, зажжённый
той трудовой рукой,
край осветит огромный
искренней добротой.*

*«Ах, в непослушном внуке
к сердцу бы прижилось
то, чего нет в науке,
лишь в Небесах — насквозь...»*

Геннадий Петренко

«Всё равно ей получать, а в твоих бумагах я отмечу, что ты сдал».

Накормила я мужика-возницу, показала дорогу, и он уехал. Пришла к себе, упала у образов и зарыдала. Хотелось в поклоне уйти в самую землю и благодарить, благодарить того, кого я просила быть мне отцом в эту страшную годину...

Этот случай согревает мне душу всегда. И сейчас я плачу, когда пишу эти строки.

Из воспоминаний
Павлы Ивановны Круковской

ЖУРАВЛИ

*Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот, наступит октябрь – и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
возвещают они, как сказание древних страниц.
Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье
и высокий полёт этих гордых прославленных птиц.
Широко по Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты зноблящих полей –*

*это выразят всё, как сказанье, небесные звуки,
далеко разгласят улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!
Вот замолкли – и вновь сиротеет душа и природа
оттого, что – молчи! – так никто уж не выразит их...*

Николай Рубцов

СТРОИМ ХРАМ ВСЕМ МИРОМ!

Дорогие братья и сестры, зима всё ближе! Просим вашей помощи. Требуется срочно собрать средства на закупку отопительных котлов и вспомогательного оборудования для Антониевского храма. Нужно: на котёл «Протерм» 50 КЛО (три штуки) = 228 400 руб., на надстройку «Protherm» РТ 50 (три штуки) = 30 200 руб., а также на материалы для монтажа ГСВ и АГСВ = 114 120 руб. Просим ваши пожертвования направлять по реквизитам, указанным ниже. Имена жертвователей будут поминаться на проскомидии.

Протоиерей Николай Бабич

Местная религиозная организация **Православный Приход храма во имя свт. Антония (Смирницкого), архиеп. Воронежского и Задонского**, г. Воронежа религиозной организации «Воронежская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)».

**Реквизиты: Р/с 40703810800510003141 в Филиале № 3652 ВТБ (ПАО) в г. Воронеже (Филиал № 3652 Банка ВТБ (ПАО)) БИК: 042007855 К/с: 30101810545250000855
Либо на карту СБЕРБАНКА 5469 1300 1724 1736
Или на Яндекс.Деньги: <https://money.yandex.ru/to/410014728649740>**

С вопросами и предложениями можно обращаться к протоиерею Николаю Бабичу:
тел.: +7 (951) 860-40-40, Viber: +7-951-860-40-40, ВКонтакте: vk.com/snt.antonius,
Telegram: @NikolaiBabich.

Адрес храма и редакции: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А.
E-mail: Snt-Antonius@yandex.ru.

Электронная версия «Вестника» доступна по адресу: www.snt-antonius.ru

Учредитель, издатель – Местная религиозная организация православный Приход храма во имя свт. Антония (Смирницкого), архиеп. Воронежского и Задонского г. Воронежа религиозной организации «Воронежская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)». Адрес издателя: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А

Редакционная коллегия:
протоиерей Николай Бабич, Римма Лютая
Главный редактор: Бабич Николай Николаевич,
протоиерей. +7 (951) 860-40-40
Выпускающий редактор, ответственный секретарь, корректор:
Римма Лютая. +7 (960) 115-69-06

Редактор отдела истории и краеведения: Игорь Маркин
Дизайн, макет, вёрстка: Наталья Назаренко
Отпечатано: АО «Воронежская областная типография – издательство им. Е.А. Болховитинова», г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73А.
Тираж: 999 экземпляров. **Заказ:** № 000.
Дата выхода издания в свет: 30.12.2019 г.

Издаётся на средства и трудами благотворителей.

*Не используйте наше издание в хозяйственных целях.
Цена: бесплатно.
Распространяется за пожертвование.*

0+